

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Наложница, подобная солнцу

Это лето Светлана проводила в поместье своего отца, графа Лесовского, на берегу Черного моря. Ее дни были полны безмятежной неги. Привычная роскошь, вышколенные слуги, долгие прогулки по берегу, светские приемы соседей по поместью; Светлане все это казалось скучным, она жаждала вернуться в Петербург, к балам и толпе поклонников. Но строгий отец отослал ее подальше от соблазнов столицы. Дни текли медленно и лениво. В один из таких дней Светлана сбежала на берег моря от надоевших ей компаньонов и нянек, опекавших ее как малое дитя. Светлана с удовольствием вдыхала свежий морской воздух. Легкий ветерок играл ее распущенными белокурыми волосами с золотистыми искорками. Девушка все дальше уходила от поместья, к скалам, окружавшим маленькую укромную бухту. Усевшись на прогретый солнцем камень, Светлана смотрела на безмятежную гладь моря, задумавшись о чем-то своем. Для нее стала полной неожиданностью рука, схватившая ее сзади. Она закричала, резко разворачиваясь. Ее держал смуглый ярко одетый человек с серьгой в ухе. Он что-то говорил на незнакомом девушке языке, довольно смеялся и цокал языком. Светлана пыталась вырваться, но ее сил не хватало. Отчаянно крича: «Помогите! Помогите, кто-нибудь!» — она все же пыталась вывернуться из рук мужчины. А он, не обращая никакого внимания на трепыхания своей добычи, тащил ее в берег, вернее к лодке. Бросив девушку на дно, он столкнул лодку на воду и запрыгнул сам. Светлана бросилась к нему и попыталась вырвать у него из рук весла. Она отчаянно боролась, но дикарь без труда отшвырнул ее от себя. Девушка отлетела в противоположный конец лодки и ударилась затылком о жесткий деревянный борт. Терять сознание сейчас ей было никак нельзя, но удар был силен, и спустя секунду она провалилась в темную бездну.

Смутные ощущения сменялись одно другим. Вот кто-то взял ее на руки и вознес вверх. Казалось, она свободно плывет в воздухе.

Затем кто-то подхватил ее;

Очнувшись, Светлана первым делом обратила внимание на качку и поняла, что находится на борту корабля. Где-то совсем близко раздавались голоса. Осторожно приоткрыв глаза, она огляделась. Она лежала на койке в небольшой каюте. За окном плескалось море. Виднелся берег. Значит, они все еще стоят на якоре.

Чуть повернув голову, она увидела того самого дикаря и незнакомо человека, европейца, но одетого по-восточному. Они разговаривали. Светлана стала прислушиваться.

— Где ты нашел эту жемчужину, Мамуд? — спросил незнакомец по — французски.

— На берегу. Она была совсем одна, и я не мог упустить такое сокровище, — с чудовищным акцентом отвечал похититель.

— Ты — молодец! Она действительно хороша.

— Рад служить Вам, господин! Надеюсь, золота, что вы мне заплатили, хватит, чтобы выкупить моего брата из рабства.

Светлана услышала достаточно. Вскочив с койки, она проскользнула в двери каюты на палубу, но перепрыгнуть через перила ей не дали. Чьи-то сильные руки схватили ее сзади и рванули назад. Мамуд отнес отчаянно сопротивляющуюся девушку обратно.

— Свинья! Подлец! — дико кричала она, стараясь оцарапать ему лицо. Он отшатнулся, поразившись силе ее ярости.

— Ты продал мне настоящую тигрицу, Мамуд, — со смехом воскликнул капитан-работорговец, обхватив Светлану сзади. — Успокойтесь, малышка. Никто не сделает вам ничего плохого.

Капитан знаком попросил Мамуда выйти из каюты, бросил что-то в бокал с водой и силой влил это Светлане в рот.

Уже через несколько мгновений глаза ее заволокло туманом, и она лишилась чувств.

Очнувшись, она сразу же обратила внимание на размеренную, убаюкивающую качку. С минуту Светлана лежала неподвижно, отдавшись ложному чувству безопасности. Однако затем все вспомнила, медленно поднялась с дивана и осмотрелась вокруг.

Девушка находилась уже не маленькой, а в просторной каюте, обставленной в восточном стиле. На полу лежал толстый ковер, в углу стоял широкий диван с подушками, посередине низкий круглый инкрустированный столик, с потолка свисало несколько медных ламп.

Выглянув в иллюминатор, она увидела луну, скользящую по темным морским волнам.

Повернувшись, Светлана заметила стоящую на столе откупоренную бутылку с вином и бокал. Только сейчас она поняла, насколько сильно ее мучает жажда. Плеснув вина, она осушила бокал одним глотком. Внутри сразу стало тепло, что было очень кстати, ибо девушка немного озябла.

Она продолжила было осмотр, как вдруг послышался звук отодвигаемого засова, и дверь каюты открылась. Светлана мгновенно обернулась и запустила пустым бокалом в показавшегося на пороге человека.

— В меткости, равно как и в красоте, вам не откажешь, миледи. И теперь, когда вы, похоже, утолили на время свою ярость, давайте все-таки поговорим. Капитан Эжен — Карло Бенедикто к вашим услугам.

— Вы негодяй и разбойник, капитан Бенедикто! И если бы вы действительно были к моим услугам, то уже давно вернули бы меня домой. Впрочем, у вас еще есть шанс. Я лично гарантирую вам безопасность и высокое вознаграждение. Я — дочь графа Лесовского, приближенного русского императора.

Капитан Бенедикто проигнорировал предложение.

— Леди Лесовская, — сказал он, — я плаваю под флагом и под защитой торговой Венеции. В настоящее время мы держим путь в Турцию. Там вас продадут на аукционе по самой высокой цене, и весьма значительный процент от сделки поступит в венецианскую казну.

— Но мой отец непременно заплатит за мое возвращение щедрый выкуп!

— Мы купцы, а не похитители невест, миледи. Дорогая моя, неужели вы настолько не осознаете силы своей красоты? Все состояние вашего отца не способно вернуть вам свободу. Вы стоите поистине королевского состояния. И покончим с этим. Не пытайтесь бежать. За каждым вашим движением следят мои люди. Надеюсь, вы хорошо проведете время у меня в гостях. Если вам чего-нибудь захочется, достаточно будет передать ваше желание рабу, который дежурит у двери каюты.

С этими словами капитан покинул ее, вновь заперев дверь на засов. Ошеломленная его словами Светлана со стоном отчаяния опустилась прямо на пол каюты.

Следующие несколько дней они плыли по Черному морю. Капитан Бенедикто разрешил Светлане дышать свежим воздухом, выпуская ее время от времени на верхнюю палубу.

Пытаясь, видимо, как-то отвлечь ее от мрачных мыслей, он рассказывал ей об особенностях восточной культуры, о тех местах, где он побывал.

На четвертые сутки к вечеру корабль бросил якорь в маленькой гавани на побережье Турции. Невольное путешествие подошло к концу, и Светлана вынуждена была взглянуть в лицо кошмарной действительности. Она впервые задумалась о том, что, возможно, уже никогда больше не увидит родных.

¶ Прошло несколько недель.

Светлана сидела около оконной ниши в одной из комнат помещения, где должен был состояться аукцион. Она сидела тихо, но не потому, что уже смирилась со своим положением. Просто до сих пор не могла прийти в себя от ужасного потрясения. Ее похищение не укладывалось в голове, а плавание от берегов России к берегам Турции произошло столь стремительно, что Светлана окончательно растерялась.

С самой первой минуты похищения с ней обращались весьма уважительно. В сущности, делалось все, чтобы она была окружена комфортом и, не дай Бог, не заболела. Когда они сошли с корабля на берег, капитан Бенедикто проводил ее в дом Махмуда бен Ахмада, «поставщика лучшего в мире товара», как он сам отрекомендовался. В течение следующего месяца Светлану холили и нежили, а тем временем по Турции активно распространялись слухи о том, что в ближайшее полнолуние на аукционе будет выставлена на продажу белокурая светлокочая девица невиданной красоты.

Все это время Светлану не выпускали на улицу, на солнце. Ее постоянно заставляли принимать ароматизированные ванны, причем в воду выжимался сок лимона, чтобы еще больше отбелить ее светлую, слегка загоревшую кожу. В тело ее втирали сладко пахнувшие масла. Кожа Светланы стала нежной, словно шелк, а южный черноморский загар уступил место первоначальной белизне. Ей постоянно рассказывали о традициях гаремов, о том, как там живет женщинам. Махмуда бен Ахмада и его слуг поражала стойкость девушки, отсутствие истерик, врожденная гордость. Она была так не похожа на ту бесчисленную череду рабынь, что были проданы знаменитым торговцем живым товаром. Махмуд был больше, чем уверен, что получит за эту жемчужину самую высокую цену.

В один из вечеров рабыни надели на нее странный наряд. Это было нечто вроде туники из полупрозрачной бледно-золотистой ткани, которая закрывала все ее тело от шеи до пят и спадала вниз изящными складками. На талии и на плечах туника была закреплена зелеными ленточками. Волосы закололи жемчужной заколкой, и они длинным хвостом свободно струились по спине. На них была наброшена вуаль зеленого цвета с золотистыми нитями. Другая вуаль скрывала лицо девушки, оставляя открытыми лишь подведенные сурьмой глаза.

Слухи о предстоящем аукционе распространялись очень быстро, и в этот маленький турецкий городок с Востока уже прибыло несколько важных покупателей. Поговаривали, что на пути сюда находится и сам Наджи-бей, старший евнух гарема турецкого султана. Все говорило за то, что Махмуд бен Ахмад не пожалел сил на то, чтобы получить за свой товар наивысшую цену. Светлана подняла глаза на черного евнуха, который неслышно приблизился к ней и коснулся руки:

— Пойдемте, моя госпожа. Скоро начнутся торги. Я могу чуть отодвинуть занавеску, и вы увидите, какое шикарное общество собралось здесь ради вас.

Проникнувшись невольным любопытством, Светлана последовала за ним. Негр отогнул занавеску и дал ей посмотреть. Девушка увидела средних размеров комнату с небольшим возвышением в самом центре. Стены были покрыты фресками с изображениями людей и

животных в весьма откровенных позах. В комнате присутствовало не больше десятка купцов.

— Почему их так мало? — спросила она у евнуха. Тот широко улыбнулся;

— Мой хозяин Махмуд бен Ахмад, да продлит Аллах его славные дни, назначил за вас начальную цену в пять тысяч золотых монет. Сами понимаете, товар не для погонщиков верблюдов.

Светлана подавила невольный смешок. В следующее мгновение за ее спиной возник сам Махмуд бен Ахмад. Пора было идти. Негр-евнух взял ее за руку и вывел в комнату, где должны были состояться торги, заставив подняться на возвышение. Покупатели жадно разглядывали ее. Светлана Лесовская впервые почувствовала волны паники. Споткнувшись, она чуть не упала.

Махмуд бен Ахмад взял ее под локоть и подвел к центру возвышения.

— Французский, — шепнул он ей на ухо, — язык международной торговли. Так что вы все поймете.

— Вы попусту тратите время, подвергая меня этому унижению, — ответила Светлана хмуро. — Отец все равно выкупит меня, и я вернусь домой.

— Аллах не допустит этого, — возразил работорговец и раскланялся перед покупателями. — А теперь, высокие гости, начнем самые важные торги этого года! Перед вами стоит благородная девица, волосы которой подобны золотистому зареву восхода солнца, кожа словно белоснежная отполированная слоновая кость, а глаза краше редчайших изумрудов! Смотрите же, о высокие гости! — С этими словами он сдернул вуаль, прикрывавшую голову девушки.

— Начальная цена — пять тысяч золотых монет! Кто готов заплатить эти деньги?

— Даю пять тысяч! — раздался чей-то голос. Махмуд бен Ахмад довольно усмехнулся:

— Агент египетского султана дает пять тысяч!

Начальная цена была быстро перебита, после чего торги пошли весьма шустро. Шесть тысяч; семь; восемь; девять; десять тысяч золотых монет.

— Высокие гости! — вдруг почти обиженно воскликнул Махмуд бен Ахмад. — Десять тысяч за такой товар?! Побойтесь Аллаха! Не унижайте мой дом! Перед вами драгоценное сокровище, гурия, которая украсила бы гарем самого Пророка! Это девственница, никогда не знавшая мужчины! — С этими словами он легонько провел своей дряблой ладонью по ее животу.

Светлана инстинктивно отшатнулась. — Она произведет на свет много здоровых и крепких сыновей!

— А располагаешь ли ты доказательствами ее невинности? — крикнул кто-то.

— Располагаю! — возвестил Махмуд. — Я дам покупателю заключения, составленные тремя разными лекарями. Если же выяснится, что они солгали, я возмещу покупателю ущерб втрое против той цены, которую он отдаст за девушку. Причем товар все равно останется у него.

Покупатели пораженно ахнули. Махмуд бен Ахмад слыл честным человеком, к тому же весьма скупым. Его слова убедили всех, и торги продолжались.

Глаза Светланы тем временем скользили по присутствующим. Сердце казалось вот — вот выскочит из груди. «Я — товар! Я — дорогой товар!» — эта мысль безостановочно билась в ее голове. Агент египетского султана ответил на ее взгляд холодным взглядом, и девушка тут же отвела глаза. В этом человеке ей почудилось нечто злое и даже стало не по себе.

Представитель багдадского халифа показался ей похожим на маленькую вспугнутую черную сову, и она с трудом подавила нервный смешок. Однако в следующую секунду улыбка исчезла

с ее лица, ибо она взглянула в свирепое лицо человека, который, если верить негру-евнуху, был принцем Самарканда. Раскосые глаза горели откровенным вожделием, обшаривая все ее тело. Светлана затрепетала от ужаса. Она успокоилась, лишь когда отыскала глазами человека славянской наружности, который ободряюще улыбнулся ей в ответ. В Светлане вспыхнула слабая надежда на спасение. Впрочем, до сих пор он сидел молча, не принимая участия в торгах.

По кивку Махмуда евнух развязал зеленые ленточки у Светланы на плечах, и туника внезапно соскользнула с них, обнажив девушку по пояс. Мертвая тишина опустилась на комнату. Двенадцать пар глаз принялись с алчностью буравить безупречной формы юные груди Светланы с нежно-розовыми сосками.

Махмуд бен Ахмад ловко выдержал минутную паузу, после чего возвестил:

— За товар предложено пятнадцать тысяч шестьсот золотых монет! Пятнадцать тысяч за прелестный, еще не раскрывшийся цветок!

Шестнадцать тысяч; 18 лет; 18 лет пятьсот;

Махмуд кивнул евнуху, и тот быстро распустил зеленую ленту на тонкой талии Светланы.

Туника с легким шелестом скользнула по бедрам вниз, и шумный вздох прокатился по комнате. Девушка теперь стояла совершенно обнаженная, и лишь лицо ее было закрыто.

Сознание Светланы как будто раздвоилось. Душа и тело словно отделились друг от друга. Она сама внутренне удивлялась, как еще не упала в обморок от стыда и унижения, которому ее подвергли. Впрочем, внутренний голос настойчиво твердил ей: «Лесовские никогда не показывают своего страха! Лесовские никогда не показывают своего страха!» Высоко вздернув подбородок и выпрямив спину так, что лопатки едва не соприкоснулись, Светлана замерла на месте, едва дыша. Сердце бешено билось в ее груди так, что ее груди подрагивали.

Восемнадцать тысяч золотых монет; восемнадцать тысяч девятьсот;

Словно охотничий пес, почуявший, что вот-вот нагонит жертву, работорговец одним быстрым движением сорвал жемчужную заколку, поддерживающую роскошные волосы Светланы. Белокурые волны с золотистыми нитями упали на обнаженные плечи девушки и тут же отхлынули назад. Махмуд сорвал с ее лица последнюю вуаль.

— О Аллах! — раздался чей-то сдавленный возглас. — Ее лицо соперничает в красоте с телом!

— Багдадский халиф дает двадцать тысяч золотых монет! «Святой Боже! — пронеслась в голове Светланы отчаянная мысль. — Таких денег не сыскать во всем Петербурге, что уж говорить о состоянии моего отца! Я пропала!»

— Граф Милованов дает двадцать пять тысяч, дабы вернуть домой дочь своего друга! — крикнул славянин. Светлана прошептала еле слышно:

— О, прости! Прости меня, Богородица! В знак благодарности за мое вызволение я поднесу тебе золотую статуэтку с настоящими сапфирами вместо глаз!

— Двадцать пять тысяч, — дразнящим голосом повторил Махмуд бен Ахмад. — Кто даст больше?

Он с надеждой оглядел комнату. Цена была, что и говорить, высока. Все молчали. Пауза затягивалась. Светлана с облегчением вздохнула, а Махмуд уже поднял свой молоточек, чтобы подвести окончательный итог торгам, но тут раздался голос:

— Турецкий султан дает тридцать тысяч золотых монет! — К возвышению, на котором стояла девушка, вышел высокий и стройный мужчина, облаченный в богатые восточные одежды. — Я Наджи-бей, старший евнух гарема султана Сулеймана. — По мановению его руки слуги

поднесли и поставили у ног Махмуда тяжелый сундучок. — Пересчитай. Не думаю, что кто — то из присутствующих сможет дать большую цену за эту жемчужину.

Светлана взглянула на незнакомца из-под полуопущенных ресниц. Рядом с ним все остальные купцы выглядели карликами. Несмотря на то, что в его лице проступали явно негроидные черты, девушка не сомневалась в том, что он полукровка. Кожа его не была черна как смоль, но имела приятный золотисто-шоколадный оттенок. Чуть раскосые глаза мягко взирали на нее из-под тяжелых век. Высокий лоб, бритый наголо череп, на котором красовался небольшой зеленый тюрбан, тонкая переносица и широкие трепетные ноздри, полные чувственные губы. Его тело не было вялым и дряблым, что считалось неперменной отличительной чертой большинства евнухов. Это был высокий и крупный, но не толстый мужчина.

Наряд его был великолепен. Открытый длинный халат салатового цвета, отороченный по обшлагам и на рукавах темным блестящим соболем и подбитый изнутри золотистой тканью. Под халатом расшитая красным шелком парчовая рубаша, широкий золотистый кушак, украшенный множеством мелких жемчужин и изумрудов. На тюрбане красовались большой изумруд и перо белой цапли, а на ногах были мягкие сапоги из темно-коричневой кожи без каблуков. Длинные изящные пальцы его были унизаны перстнями, а на шее покоился тяжелый золотой медальон в виде головы льва.

Граф Милованов вскочил со своего места.

— Я протестую! Ты уже поднял свой молоток, чтобы окончить торги, — крикнул он, обращаясь к Махмуду бен Ахмаду. — Девушка моя!

— Но я же не опустил его. Если ты, высокий гость, хочешь продолжить торг, я не против. Наджи-бей беззлобно усмехнулся:

— Да, благородный господин, если ты намерен перебить мою цену, я не стану возражать.

Милованов обернулся к остальным присутствующим:

— Ваши собственные религиозные законы запрещают проведение подобных торгов! Эта девушка является подданной русского царя, дочерью графа Лесовского! Ее похитили из дома и привезли сюда силой!

— Наши законы не распространяются на неверных, так же как и ваши христианские обычаи не распространяются на нас, — возразил Наджи-бей. — Поднимай цену или позволь мне удалиться с купленным товаром.

— Для кого он покупает эту юную девицу?! Для человека, который годится ей в деды! — с отчаянной мольбой и возмущением в голосе вскричал Милованов. — У вас у всех есть с собой золото. Ссудите его мне, а я верну вам вдвойне! Помогите вернуть украденную дочь графу!

Мертвая тишина была ему ответом. То, что он сказал про турецкого султана, было святой правдой, но никто из присутствующих не осмелился бросить вызов агенту грозного султана.

— Пересчитай золото, — приказал Наджи-бей работорговцу.

— Нет, нет, уважаемый ага, — торопливо проговорил Махмуд бен Ахмад, — Я верю тебе.

Наджи-бей вновь обернулся к девушке. Светлана уже успела выйти из оцепенения и теперь вся дрожала от страха. Сняв с себя халат, Хаджи-бей накинул его ей на плечи.

— Пойдем, дитя, — мягким голосом сказал он.

— Мы приедем в Турцию, Светлана! Мы выкупим вас! — крикнул им в спину граф Милованов. Наджи-бей резко обернулся к нему:

— Не лги, не наполняй юное сердце ложными надеждами. Еще никто не выкупал девиц из

серая моего властелина! Лучше скажи ей правду, чтобы она смирилась со своим положением и без страха взглянула в лицо будущему.

Милованов печально взглянул на Светлану. Ей стало его жалко.

— Не печальтесь, граф, — дрожащим голосом сказала она. — Но обещайте, что навестите моего отца и расскажете ему обо всем, что со мной произошло. Скажите, что я люблю его и маму. — Наджи-бей легонько подтолкнул ее к выходу. — И еще передайте ему, что когда-нибудь я вернусь в Петербург. Обещайте!

Граф кивнул, после чего Светлана с достоинством сошла с возвышения и удалилась вместе с Наджи-беем. По щеке ее сбежала одинокая слеза. Только эта прозрачная капелька и бешено бьющаяся венка между ключиц выдавали ее истинные чувства.

Наджи-бей помог Светлане взобраться в паланкин, сам сел в другой. Носильщики подхватили его и бодро побежали по улице. Ночь стояла теплая, и все вокруг было освещено тусклым лунным светом. Наконец они остановились перед большим домом. Рабы помогли девушке выйти из паланкина и отвели ее в небольшую, хорошо обставленную и ярко освещенную комнату. Хлопнув в ладоши, Наджи-бей отдал явившейся на зов рабыне распоряжения на непонятном языке. Та удалилась. Наджи-бей повернулся к оцепеневшей Светлане:

— Я приказал ей принести тебе более подобающую одежду, но поканими, пожалуйста, этот халат.

Светлана непонимающе уставилась на него.

— Халат, дитя мое, — повторил он мягко. — Освещение у Махмуда было плохоньким, и я не смог хорошенько рассмотреть тебя.

— Тогда почему вы меня купили?

— Твои волосы и лицо стоят тех денег, что я отдал. А теперь халат, — сказал он и протянул к ней руку.

Светлана, сама удивляясь своей покорности, раскрыла халат, и тот, скользя по плечам, упал к ее ногам. Она молча предстала перед евнухом нагая, и тот принялся ее внимательно рассматривать.

Светлана была еще слишком молода и неопытна, чтобы осознать всю силу своей красоты. В последний год ее тело стало наливать женской зрелостью и действительно походило на бутон, готовый вот-вот раскрыться в прелестный цветок. Она казалась высокой, хотя на самом деле была среднего роста. У нее были стройные длинные ноги, округлые бедра, высокая крепкая грудь. Безупречная гладкая кожа отливала здоровым блеском. Хаджи-бей с удовлетворением отметил про себя какую-то особенную ясность ее зеленых глаз, указывавшую, по его мнению, на то, что девушке немного пришлось пролить слез в этой жизни, а значит, она обладает волей и сильным характером. Что подтверждалось и ее поведением на торгах, где она была полна достоинства, не билась в истерику.

— Повернись, пожалуйста, — попросил он.

Светлана изящно повернулась, показывая взгляду идеально ровную спину и округлые ягодицы. С уст евнуха сорвался легкий возглас восхищения. Нет, он несколько не жалел о потраченных деньгах.

Через некоторое время в комнату вернулась рабыня. Она помогла Светлане облачиться в бирюзового цвета турецкие шаровары, лиф и золотистый шелковый кафтан. Потом рабыня вновь удалилась.

— А теперь, дитя мое, — сказал Хаджи-бей, — мне кажется, самое время тебе отдохнуть. Взяв Светлану за руку, он отвел ее в просторную комнату с террасой, выходящей на море. — Бряд ли это имя Светлана подойдет для очаровательной наложницы из гарема турецкого султана, — улыбнулся Хаджи-бей. — На древнем языке моих предков Шамсия означает «подобная солнцу». По-моему, удачнее и придумать нельзя. Твоя красота ослепляет. А теперь, дитя мое, я оставляю тебя. Отдыхай и набирайся сил. Завтра с ночным приливом отправимся в Константинополь.

Поклонившись, он вышел из комнаты.

Светлана с тоской глянула на серебристую, освещенную луной гавань. Она была забита кораблями, в окнах которых горел свет. Эти огни манили к себе с великой силой, ибо Светлана знала, что среди них есть и огни корабля из России, от ее отца;

Светлана осторожно вышла в сад. Тут же перед ней откуда ни возьмись из темноты выступили два черных раба в тюрбанах, вооруженных кривыми турецкими саблями. Девушка мгновенно ретировалась.

— Бежать отсюда не удастся, — прошептала девушка. — И чем раньше я смирюсь с этим, тем легче мне будет жить.

Впервые за все время пребывания в плену Светлана заплакала. Со слезами они и заснула, чтобы с утра начать новую жизнь.

Путешествие с отдаленного побережья в Константинополь было приятным. Светлане было разрешено отдыхать под тентом на верхней палубе, которую освободили специально для нее. Но Наджи-бей настоял на том, чтобы она скрывала лицо под темной вуалью и не разгуливала по всему кораблю, дабы не привлечь своей красотой внимание галерных рабов, многие из которых были европейцами.

Корабль быстро скользил по спокойной воде. Наджи-бей, как в свое время капитан Бенедикто, добровольно вызвался исполнять роль рассказчика.

Плавание подходило к концу.

В последний вечер Наджи-бей позвал девушку в свою просторную, располагавшуюся на корме каюту. Возле наглухо закрытых дверей остались два свирепых немых стражника. Наджи-бей предложил девушке опуститься на подушки, разложенные вокруг низкого круглого столика, велел рабу принести легкие закуски и сел рядом со своей подопечной.

— Завтра мы уже будем в Константинополе. И теперь, милое дитя мое, я должен провести с тобой очень важный разговор. Как тебе уже известно, я старший евнух султана Сулеймана. Я облечен большой властью и хочу употребить ее на то, чтобы исправить зло. Надеюсь, ты мне в этом поможешь;

Светлана лишь молча смотрела на евнуха, ожидая продолжения.

— Сераль турецкого султана многими изображается как некая клоака, в которой буйным цветом расцветают разврат и всевозможные человеческие пороки. На самом деле это далеко не так. Сераль — хорошо организованный хозяйственный организм, в котором все продумано до мелочей и который живет согласно установившимся правилам и традициям.

Женщины в нем делятся на несколько категорий. Среди них есть рабыни, которые выполняют работу простых служанок. Скажем, в хаммаме. Другие, так называемые личные слуги, прислуживают самому султану или его женщинам. Девушки гарема также не равны между собой. Большинство — это гедиклис, то есть избранные. Выше их по рангу гюздэ, то есть девушки, которые уже обратили на себя внимание султана, но еще ни разу не разделили

с ним его ложе. В гареме есть несколько икбал — это те девушки, которые уже спали со своим господином и понравились ему. Наконец, в гареме есть кадины. Это женщины, которые уже подарили своему господину одного или нескольких сыновей. У султана может быть одновременно до четырех кадин, среди которых высшее положение — у бас-кадины, то есть любимой жены. И хотя матерью наследника престола и нынешней официальной фавориткой является Гюльфем, султан все равно сохранил за Лейлой звание бас-кадины. Лейла — мать принца Селима. Она скончалась от горячки прошлым летом. Султан до сих пор скорбит о ней. Самое высокое положение, которое может занять женщина при дворе нашего властелина, это стать валидэ. Валидэ — это мать султана. Мать султана умерла, так что в настоящее время валидэ в империи нет. А вообще это самое высокое и почетное звание для женщины в Османской империи. Ее слово — закон для всех во дворце и среди всех женщин империи. Лишь султану дано право отменять распоряжения валидэ, но во многих случаях даже он не смеет ей прекословить.

Гюздэ, икбал и кадины имеют свои собственные покои и свиту, а гедиклис живут вместе в так называемых ода. Над каждой ода надзирает старшая женщина, которая должна научить гедиклис обычаям нашей страны и помочь каждой развить свои индивидуальные таланты. Я поселю тебя в небольшую скромную ода, хозяйкой в которой сейчас госпожа Мадина, тетка принца Селима, сестра его покойной матери Лейлы.

— Она тоже фаворитка султана?

— Она уже давно не фаворитка, Шамсия. Госпоже Мадине так и не удалось стать одной из кадин нашего властелина. На свою беду, она родила от него двух дочерей, которые теперь выросли и вышли замуж за имперских чиновников. Госпоже Мадине после этого оставалось лишь удалиться в Шатер стареющих женщин. Но она попросилась в ода. И это отнюдь не самые роскошные покои во дворце. Об этом позаботилась, конечно же, Гюльфем, которой после смерти госпожи Лейлы удалось несколько поправить свое пошатнувшееся положение во дворце и забрать большую власть. Впрочем, в этой ода ты будешь в безопасности и не попадешься на глаза султану прежде времени, если будешь слушаться меня и госпожу Мадину. Эта добрая, мягкая женщина была посвящена в наши планы с самого начала.

Времени у нас немного — всего четыре месяца. До празднования совершеннолетия принца Селима. Ты должна будешь многому научиться. Не только нашему языку, но также обычаям и традициям, правилам жизни при дворе султана, нашей музыке, танцам, и главное, ты должна познать науку чувственной любви, дабы в будущем понравиться султану. Я знаю, тебе придется нелегко, но ты справишься. Ты — сильная личность. Все получится. Итак, ты поможешь мне, Шамсия?

Евнух дождался кивка Светланы, теперь уже Шамсии.

— А теперь ступай к себе и ложись спать. Завтра вечером мы будем в Константинополе. Отныне я не друг тебе, а ага кизляр. Но не бойся, я не выпущу тебя из виду и по возможности стану оберегать от опасностей.

Светлана, теперь уже Шамсия, ушла. Выждав паузу, Наджи-бей поднялся, подошел к сундуку, стоявшему у дивана, и достал кисет из черного бархата. Он извлек оттуда плоскую хрустальную пиалу, поставил ее на стол и плеснул в нее немного воды. Сев перед ней, он молча уставился на воду и несколько минут был неподвижен, наблюдая за образами и видениями, которые возникали в пиале.

Легкая улыбка тронула его губы.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Слава Аллаху! Все будет хорошо.

Появление в гареме султана Шамсии прошло тихо и спокойно. Писец сделал обычные записи в своей книге: полагалось указать имена новоприбывших, их возраст, место рождения и покупки. Наджи-бей расплатился за Шамсию деньгами из своего кармана. Тридцать тысяч. Он знал, что такая огромная сумма неизбежно привлечет к себе нежелательное внимание и породит пересуды, поэтому ага указал писцу, что купил девушку за пятьсот золотых динаров. Цена вполне приемлемая за такую красавицу.

Девушка была отправлена в ода к госпоже Мадине. Выбор наставницы оказался поистине мудрым. Наджи-бей и тут не прогадал, возложив надежды на родную тетю принца Селима, одного из сыновей нынешнего султана. Это была изящная женщина с красивыми темными волосами, собранными на затылке. Правильные черты лица, точеные скулы, мягкая улыбка, добрый взгляд карих глаз. Едва увидев новенькую, Мадина сразу же разгадала, что ее бравада, гордый вид — всего лишь маска, за которой кроется нерешительность, смущение и, возможно, даже страх.

Один из евнухов предупредил ее о том, что девушка отправилась в ее ода, и Мадина готовилась к ее встрече. Наконец двери открылись, и появился ага, а за ним и юная красавица. Госпожа Мадина обняла Шамсию и ласково проговорила:

— Добро пожаловать, моя милая. Рада видеть, что ты добралась благополучно.

— Оставляю ее на тебя, добрая госпожа Мадина, — сказал Наджи-бей. — Прощай, дитя мое, и да улыбнется тебе судьба.

Мадина не дала девушке времени на слезы.

— Сегодня мы пойдем в бани, — объявила она. — Поскольку мы сейчас одни, давай выпьем чего-нибудь прохладительного, а пока будем ждать готовности хаммама, я покажу тебе ода. Она распорядилась, чтобы принесли напитки, и повела девушку за собой.

— Вот здесь, — проговорила она, обводя помещение рукой, — Ты и другие девушки, которые находятся на моем попечении, будете жить и спать.

Шамсия оглядела комнату. В ней было три круглых и низких, украшенных инкрустацией стола, несколько разноцветных подушек и стул.

— А где же постели? — спросила она недоуменно. Госпожа Мадина указала на панели в стенах:

— За ними. За каждой девушкой закреплены матрас, постельное белье, одежда и другие принадлежности личного туалета. Утром после молитвы мы проветриваем наши постели, а потом убираем их до следующего вечера.

— Весьма практично, — заметила юная Шамсия, чем немало удивила госпожу Мадину. — Здесь же мы будем и есть?

— Да, моя милая.

— А нам разрешается покидать пределы ода?

— О Аллах, разумеется, дитя мое! Ты же не пленница. Впрочем, твоя свобода в передвижениях будет несколько ограничена, но это нормально. Разве у вас в стране все иначе для молодых девушек?

— Иначе, — ответила Шамсия. — Дома я могла пойти, куда мне захочется. Только старая нянюшка меня сопровождала.

Госпожа Мадина приблизилась к ней и мягко положила руку девушке на плечо:

— Что ж, милая, в таком случае тебе будет несколько сложнее привыкнуть к нашим

порядкам, но мы по возможности будем учитывать твои желания. И потом столько дел впереди, что у тебя попросту не останется времени, чтобы роптать на судьбу. Сейчас мы говорим с тобой по-французски, но ты должна как можно скорее изучить турецкий. Пока ты не имеешь даже отдаленного представления о том, что такое жизнь в Османской империи вообще и в султанском гареме в частности. А ведь уже через несколько месяцев ты будешь представлена нашему властелину и его сыну, и к тому времени ты должна полностью освоиться в новой жизни. Так что работы много.

Надеюсь, ты понимаешь, что в действительности гаремная жизнь не похожа на ту, что описана в сказках. Непосвященные полагают, что мы тут только и возлежим на подушках с утра до вечера, жуем сладости и ждем, когда кого-нибудь из нас призовет к себе на ночь султан. О нет! Каждая девушка должна выполнять легкую поденную работу. Ежедневно. Бани — это тоже целый сложный ритуал. Прогулки. И конечно, занятия. Словом, у тебя не будет и свободной минуты.

Следующие несколько месяцев пролетели стремительно. Госпожа Мадина оказалась права. Времени на то, чтобы оглядываться на прошлую жизнь, совершенно не оставалось. Девушка быстро выучила турецкий язык, причем Шамсия добила в нем больших успехов. Языки всегда были ее сильной стороной, и она получала удовольствие от их изучения. Затем девушка познакомилась с историей Османской империи, ибо Наджи-бей был убежден: чтобы понимать настоящее и предугадывать будущее, необходимо знать прошлое.

Попутно изучались обычаи и традиции Турции. Плюс музыка и танцы как весьма популярные в этой стране занятия. Шамсия в своей прежней жизни не блистала в музыке, но в танцах на балах она была бесподобна, она старательно занималась и в итоге освоила в совершенстве и то и другое в восточной манере.

Считалось, что новенькие уже умеют вышивать, а также читать и писать. Шамсия умела читать и писать на своем родном языке, а также в совершенстве на французском. И в ода появилась мудрая старуха по имени Фатима, которой было дано задание научить новенькую чтению и письму на турецком.

Самым сложным для Шамсии стали уроки, где ее учили, как доставить удовольствие султану. Она, в силу своей невинности, очень стыдилась своего обнаженного тела, его реакции на прикосновения и ласки молоденьких евнухов. Сама долгое время, не смотря на упреки госпожи Мадины и наставниц на этих уроках чувственности, не решалась прикоснуться к мальчишкам. Однажды она даже сбежала с урока, узнав, что там будут учить ласкать фаллос ртом, и проплакала в углу комнаты несколько часов, не желая смириться с такими, на ее взгляд, унижительными уроками.

Но время шло, и девушка постепенно свыкалась с новым образом жизни. Природная тяга к знаниям, девичье любопытство, мудрое руководство госпожи Мадины сделали ее лучшей ученицей.

Шамсии было тяжело привыкать к ограничениям. Она выросла в свободолюбивой России, где ничто серьезно не ограничивало ее свободу. Поэтому строгий распорядок гаремной жизни поначалу сильно досаждал ей. Мир сузился до пределов ода, бань, женской мечети и сада. Кажется, она все отдала бы за то, чтобы получить коня и пустить его галопом по открытому полю, как в поместье своего отца. Она нашла в себе силы смириться с новым положением, но бывали минуты, когда ей казалось, что она сходит с ума. Тогда она тихо плакала по ночам, а утром пыталась скрыть следы слез.

Это не могло укрыться от госпожи Мадины, и она постаралась сделать все, чтобы облегчить девушке новую жизнь. В частности, приставила к Шамсии специального евнуха, который сопровождал ее во время прогулок по саду. Конечно, выходить в сад можно было, лишь соответственно одевшись.

Эта одежда называлась феридже и представляла собой длинную робу с ниспадающими рукавами из светло-желтого шелка. Она тянулась от головы до плеч, а сзади к ней еще пристегивалась большая прямоугольная накидка до самой земли. Кроме того, Шамсия должна была надевать айсмак, то есть особую вуаль, состоящую из двух частей. Первая половинка закрывала нижнюю часть лица девушки и падала на грудь, а другая закрывала лоб и волосы. Когда Шамсия наряжалась подобным образом, никому не дано было угадать, молодая она или старая, красавица или уродина.

Однажды костюм этот спас Шамсию. Зато какого страху натерпелся приставленный к ней евнух! Они гуляли, как обычно, в саду, как вдруг из-за живой изгороди вышел сам султан со своей свитой. Евнух посерел лицом и едва не лишился чувств. Ведь ага кизляр строго-настрого предупредил его, что султан ни в коем случае не должен узнать о том, что в его гареме появилась эта девушка. Но Шамсия не растерялась. Она низко поклонилась султану, и тот прошел мимо, не останавливаясь. Сделала она это вовремя, ибо если бы султан увидел ее удивительные зеленые глаза, все могло бы кончиться гораздо хуже.

Шамсия потом долго анализировала этот случай. До того момента существование султана казалась ей нереальным, абстрактным понятием. Но хватило одного взгляда на пораженного ужасом евнуха, чтобы мнение девушки изменилось. «Я должна провести всю оставшуюся жизнь в этом странном мире, — думала она. — Выбор невелик. Или я стану таким же пугливым, беспомощным существом, как этот несчастный евнух. Или любящей женой будущего султана. За принцем Селимом я буду как за каменной стеной, и у меня, возможно, будет в руках реальная власть. Кто знает, может, я еще и полюблю его».

Теперь она уже знала, что Наджи — бей и Мадина задумали, чтобы Шамсия стала наложницей не султана, а принца Селима, которого они хотели возвести на престол, устранив нынешнего наследника.

После той встречи приступы хандры у Шамсии прекратились, и она стала проявлять больше интереса к новой жизни и усердия в занятиях.

— Откуда эта перемена? — удивлялась госпожа Мадина.

— Даже не знаю, — отвечал ей Наджи-бей. — Но ясно одно, наша юная Шамсия склонна к самоанализу. Полагаю, какой-то случай заставил ее впервые по-настоящему трезво оценить ситуацию. Я рад, что это произошло. Мы кровно заинтересованы в ее помощи, ибо именно Шамсию я вижу в роли первой икбал принца Селима и, да поможет Бог, в роли его бас-кадины.

— Мой племянник не нуждается в том, чтобы ему указывали, кого любить, ага.

Наджи-бей усмехнулся:

— Я ничего не буду ему указывать. Он сам ее выберет. Селим и последнее время стал большим знатоком женщин. Женщины в его гареме красивы и чувственны, но они слишком увлечены конкуренцией между собой, чтобы по настоящему увлечь принца. А за очаровательной улыбкой русской девушки кроется печаль. Она горда и сильна волей. Она будет верна Селиму, возможно полюбит его всем сердцем, ведь оно еще не было тронуту любовью. Селим почувствует все это. Возможно, он полюбит и других наложниц. Возможно,

они даже подарят ему сыновей. Но он так и не сможет сойтись с ними по-настоящему.

— Но разве у Шамсии нет воспоминаний о прошлой жизни? Насколько мне известно, она была одной из самых завидных невест Петербуга, когда ее похитили.

— Шамсия еще молода. И она еще не любила, а лишь играла в любовь. Ей просто нравилось внимание мужчин, но она не любила. Она очень трезво смотрит на вещи, хотя не исключено, что и сама не осознает этого. Девушка провела здесь уже несколько месяцев, в продолжение которых впитывает в себя как губка все, что мы даем ей. Она еще растет, и мозг ее работает со все нарастающей силой. Тело ее созрело для любви, а когда она встретит ответное чувство, у нее созреет и дух. И нашему господину доставит множество приятных мгновений не только ее тело, но и разум. Во всем гареме другой такой девушки не сыскать. Между прочим Селим уже очарован ее красотой.

— Он видел ее?! — поражение воскликнула госпожа Мадина. — Господи, Наджи-бей, ты ставишь под угрозу наши жизни!

— Нет, моя госпожа. Просто над банями устроена потайная комнатка, которую вырубili в стене мои немые стражники, еще когда я только стал ага кизляром. Никто не знает про нее, даже султан. Оттуда я могу спокойно наблюдать за девушками, не смущая их. Благодаря этой комнатке я, так сказать, отделяю зерна от плевел. Ведь известно, что смазливая мордашка еще не залог совершенного тела. А я не могу допустить, чтобы ложе с султаном делила женщина с каким-нибудь физическим недостатком. Несколько дней назад я отвел в потайную комнатку Селима, и он понаблюдал за вашей подопечной, чтобы легче было узнать ее на празднике. Ну и заодно за другими девушками, чтобы среди вереницы других легче найти настоящие жемчужины.

— Скорее бы, — проговорила госпожа Мадина. — Все эти наши тайны уже начинают действовать мне на нервы.

Наконец наступил торжественный день, и в султанском дворце началось поистине вавилонское столпотворение. Женские бани были битком набиты возбужденными девушками. Рабыни бегали от одной к другой, делая красивые прически. Хозяйку гаремного гардероба так замучили — девушки поднимали дикий крик и открыто ссорились между собой за право обладания тем или иным нарядом, — что она поклялась после торжеств навсегда удалиться в Шатер стареющих женщин.

В скромной ода госпожа Мадина придиричивым взором оглядывала свою главную подопечную. Она сама удивлялась, как это ей и Наджи-бею удавалось скрывать красавицу от султана все эти месяцы. «Сегодня, конечно, неизбежно возникнут вопросы, но будем надеяться, Наджи — бей все уладит».

— Ты замечательно выглядишь, — сказала она Шамсии, — и затмишь всех в гареме.

— А вы уверены, что мы правильно выбрали цвета? — обеспокоенно спросила девушка. — Не один час пришлось повозиться с этим.

Госпожа Мадина одобрительно кивнула в ответ. Она прекрасно знала, кто уговорил хозяйку гаремного гардероба допустить ее девушек к нарядам на сутки раньше остальных. Эта женщина была обязана своим положением Наджи — бею и была ему предана.

— Только взгляни на себя, моя милая. Ты очаровательна. Эти цвета в одежде гармонично сочетаются с твоей внешностью.

Шамсия будто впервые осмотрела себя с ног до головы. На ней были прозрачные салатовые шелковые шаровары и такого же цвета лиф, расшитый золотой ниткой и украшенный вдоль

швов мелким бисером. Широкий золотой кушак, инкрустированный драгоценными камнями, покоился на ее бедрах. Светло — золотистые волосы ярко блестели. Они были зачесаны назад, собраны у затылка золотой заколкой с жемчужной застежкой и свободно сбегали по спине. На ногах у девушки были зеленые парчовые туфельки, отливавшие золотом. В довершение всего госпожа Мадина набросила на плечи Шамсии зеленое покрывало, отделанное золотистым атласом.

Госпожа Мадина дала девушке тонкий золотой ободок, чтобы удерживать покрывало.

— Наджи-бей будет доволен твоим видом, — сказала она с улыбкой. — А теперь посиди, пока я осмотрю других своих девушек.

С этими словами она перешла к остальным подопечным. Кого-то похвалила за красивый наряд, кому-то посоветовала чуть поддурманить щечки, а одной испуганной девушке просто ободряюще положила руку на плечо.

Вскоре за всеми явился евнух. Настало время торжественного приема. Гедиклис по команде госпожи Мадины выстроились в два ряда.

— А теперь слушай меня очень внимательно, — тихо проговорила наставница своей главной подопечной. — Как только войдем в зал, тут же затеряйся в задних рядах.

Войдя в Большой зал, Шамсия обомлела от его красоты. У нее захватило дух, и действительно было от чего прийти в восторг: купол из сусального золота, стены выложены блестящей, синей с золотом мозаичной плиткой, пол — светлым мрамором. На дворе стояла холодная осень, но здесь в многочисленных больших фарфоровых вазах, инкрустированных драгоценными камнями, росли карликовые пальмы, розы, азалии и тюльпаны. Повсюду висели красивые клетки с канарейками и соловьями. Музыканты, укрытые за резными ширмами, негромко играли приятные мелодии. В толпе сновали рабы, разнося пирожки, шербет, засахаренные фрукты и орехи.

Вдруг высокие позолоченные двери распахнулись, и глашатай возвестил:

— Смотрите все! Великий султан Сулейман, верный слуга Аллаха и повелитель на этой земле!

— Да благословит Аллах нашего принца Селима, виновника сегодняшнего торжества.

В зале показались султан со свитой, включая трех своих жен-кадин, лица которых были скрыты вуалями, сыновья султана Мурад и Селим, их слуги. Отец и сыновья расположились на небольшом возвышении, кадины опустились рядом.

Торжественная церемония началась. Мановением руки султан позвал слугу и что — то тихо сказал ему. Слуга подбежал к распорядителю и передал распоряжение. Распорядитель церемонии громко объявил:

— Великий султан Сулейман своим высоким повелением дарует своему сыну, принцу Селиму, в день его совершеннолетия право на выбор новых наложниц. Шесть девушек сегодня отправятся в гарем принца. Да продлит Аллах дни нашего щедрого и великодушного повелителя султана Сулеймана Великолепного и его сына, принца Селима!

Девушки выстроились одна за другой и медленно по очереди, сложив руки по традиции на груди, подходили к возвышению, где восседали султан и его сын. Одни держались скованно, на лицах других был написан страх, третьи тихонько хихикали, наконец, были и те, кто призывно улыбался принцу. Женщины для гарема Сулеймана подбирались со всех концов света и славились своей красотой. Как только девушка останавливалась перед возвышением, рабы снимали с нее покрывало и по кивку принца вновь надевали его, после чего девушка уходила.

Шамсия наблюдала за всем происходящим из дальнего тихого уголка зала. Она впервые увидела принца Селима и решила воспользоваться представившейся возможностью, чтобы как следует присмотреться к своему будущему хозяину. Он был высок и строен, с чуть смуглой кожей, доставшейся ему от матери, и светло — карими глазами. Его темные, слегка вьющиеся волосы виднелись из-под небольшого белого тюрбана с пером цапли, закрепленным большим изумрудом в золотой оправе. Чисто выбритое лицо сохраняло серьезное выражение, и лишь изредка губы кривились в легкой улыбке, а в глазах сквозил искренний интерес ко всему, что происходило перед ним. Рядом с принцем стоял раб, держа в руках серебряный поднос, на котором лежало шесть расшитых платков из белого шелка.

И вот принц выбрал первую девушку. Это была миниатюрная китайка. Едва она остановилась перед принцем, Селим дал знак рабу, тот спустился с возвышения и подал девушке один из платков. По залу прокатился шумный вздох одобрения. Экзотичная внешность девушки никого не оставила равнодушным.

Второй принц выбрал молодую испанку с оливковой кожей, глазами цвета топаза, роскошными каштановыми волосами и дерзким взглядом. Она заняла место у подножия возвышения и первым делом хмурым взглядом смерила китайку.

Затем Селим выбрал красивую черноволосую индианку. Она смущенно потупила красивые карие глаза, когда раб передал ей шелковый платок, и зарделась, поймав на себе улыбку принца.

Ярко — рыжую шотландку выбрали четвертой. Султан кивком головы подозвал к себе Наджи-бея.

— Я раньше не видел этой девушки, — сказал он, хмурясь. — И той роскошной блондинки тоже.

— Они новенькие, мой господин. Ваш гарем постоянно пополняется и обновляется, а это первый торжественный прием за последние несколько месяцев, поэтому неудивительно, что вам попадают новые лица.

Девушки продолжали проходить перед принцем, но на подносе у раба по-прежнему лежали два оставшихся

платка. Наконец к возвышению подошла Шамсия. Длинное покрывало скрывало ее ступни, и, казалось, она подплыла словно лебедь. Раб снял покрывало. В ту же секунду султан резко подался всем телом вперед, жадно проведя кончиком языка по губам. Кадины, которые до того момента негромко переговаривались между собой, мгновенно замолчали и стали бурлить глазами потенциальную соперницу.

В пятый раз Селим дал знак рабу, державшему поднос, и тот передал шелковый платок Шамсии. Девушка на мгновение приложила его ко лбу, потом к губам и заняла свое место среди четырех ранее выбранных красавиц.

— Еще одна новенькая, Наджи-бей? — спросил султан негромко.

— Да, мой господин.

— Как давно она в моем гареме?

— Четыре месяца, мой господин.

— Почему я ее до сих пор не видел?

— Она долго не хотела смириться со своей судьбой и до самого последнего времени не поддавалась приручению.

— Ага, понимаю; — проговорил султан. В голосе его уже угадывалось раздражение. —

Значит, я должен, как последний болван, тихо сидеть и смотреть, как мой сын забирает от меня самых красивых женщин! Я уже начинаю жалеть о том, что позволил ему выбрать для себя наложниц из моего гарема.

— Не стоит жалеть, мой господин. Вы проявили великую щедрость. Поверьте мне, эти девушки — всего лишь полудрагоценные камни в сравнении с теми жемчужинами, которых я сегодня не привел сюда, — с улыбкой проговорил ага кизляр.

Султан довольно усмехнулся:

— Ты всегда был мне предан, Наджи-бей. Бужу ждать от тебя сюрприза и для себя.

Ага поклонился султану. А в это самое время раб с подносом по кивку Селима отдал последний платок красивой уроженке Греции с золотистыми волосами, мраморно-белой кожей и васильковыми глазами.

— Ты сделал хороший выбор, сын мой, — проговорил султан таким тоном, словно хотел сказать, что на самом деле Селим сделал слишком хороший выбор. Потеря белокурой красавицы все еще не давала ему покоя. — А теперь позволь представителям иностранных держав и наших провинций поднести тебе свои дары.

Наджи-бей дал знак девушкам из нового гарема принца приблизиться. Он указал им, куда сесть, и устроил все так, что Шамсия была ближе остальных к принцу.

Рабы снова распахнули высокие двери в зал, допуская многочисленную и красочную процессию. Первыми со своими дарами получили право подойти представители иностранных держав. Египет подарил Селиму обеденный сервиз на двенадцать персон с прелестными золотыми блюдами и украшенными драгоценными камнями звонкими бокалами.

Монгольский хан подарил великолепного вороного жеребца и двух красивых кобылиц. Индийский правитель прислал широкий золотой пояс, инкрустированный сапфирами, рубинами, изумрудами и бриллиантами. Другой принц из Индии прислал двух карликовых слонов. Из Персии — разноцветные шелка, которые считались лучшими в мире.

Венецианский Левант преподнес принцу Селиму хрустальную вазу в четыре фута высотой, доверху наполненную бледно-розовым жемчугом. Причем все жемчужины отличались безупречно круглой формой и были одинакового размера.

Затем пришла очередь даров провинций Османской империи. Их представители раскладывали подарки перед возвышением. Поражающие своей красотой ковры, шелковые кисеты с луковицами тюльпанов редких цветов, клетки с экзотическими птицами, несколько карликов-евнухов, хор кастрированных мальчиков, славящихся своими дивными голосами, новейший телескоп в корпусе из слоновой кости с серебряными обручами. Телескоп в дар принцу прислала Магнезия, и этот подарок особенно пришелся молодому человеку по душе, ибо он питал самый живой интерес к астрономии.

Гора подарков становилась все выше, а Шамсия тем временем исподволь наблюдала за кадинами султана. Одна из них, мать наследного принца, особенно привлекла ее внимание. Она сидела неподвижно, и лицо ее, скрытое под полупрозрачной вуалью, было бесстрастно, но все же во взглядах, которые она то и дело бросала на Селима, читались ненависть и зависть к великой чести, которая была ему оказана султаном.

Шамсия крепко задумалась над этим, а позже, когда церемония поднесения даров закончилась и внимание присутствующих отвлекли красивые танцовщицы, она осторожно коснулась руки принца. Тот никак не ожидал столь смелого шага от девушки, поэтому даже вздрогнул.

— Прошу простить недостойную рабу за дерзость, мой господин, но позвольте сказать вам кое-что. Принц утвердительно кивнул.

— Обратите внимание на госпожу Гюльфем. На поверхности воды все тихо и спокойно, но в темной глубине бурлят опасные течения. Не разумно ли будет умаслить растревоженное море?

— Моя рабыня, оказывается, не только прелестна, но и умна, — ответил Селим. — Я последую твоему совету.

Когда представление было окончено, и султан уже хотел объявить о завершении торжественного вечера и уйти, но Селим поднялся со своего места и склонился перед султаном.

— Да, сын мой?

— Мой господин, мне, конечно, нечего и помышлять о том, чтобы сравниться с тобой в щедрости и благородстве, но позволь попытаться? — С этими словами он достал из атласного кисета сапфир размером с куриное яйцо, дар багдадского халифа. — Прими в дар от меня, отец, этот незначительный пустяк.

Широкий жест со стороны сына пришелся Сулейману очень по душе. Он взял сапфир.

— Для жемчужин отцовского гарема; — продолжил Селим. Он достал из венецианской вазы две пригоршни крупного жемчуга и вручил их третьей и четвертой кадине султана. Затем повернулся к Гюльфем:

— А главному сокровищу султанского сераля я хочу преподнести опал из копей царя Соломона, хотя его огонь и красоту даже близко нельзя сравнить с твоим огнем и красотой. Он велик, но, конечно, меньше твоего сердца. Твоему сыну, любимому брату Мураду, я хочу подарить хор мальчиков, дабы он утешал его в краткие минуты печали и развлекал в долгие часы веселья.

У Гюльфем был такой вид, словно она только что проглотила ежа. Слава Богу, лицо ее было скрыто вуалью.

— От моего имени, от имени сына и кадин великого султана благодарю принца Селима за его щедрые дары, — кисло проговорила она.

— Неплохо, сын мой! — воскликнул султан. — Неплохо! С этими словами он поднял украшенную перстнями с драгоценными камнями руку, объявил об окончании вечера и удалился, сопровождаемый свитой и кадинами. Затем построились и вышли гедиклис султанского гарема.

Большой зал опустел, в нем остались только принц Селим, женщины его нового гарема и Наджи-бей, который наконец смог вздохнуть облегченно и не скрывать своих чувств. Широко улыбаясь, он приблизился к принцу;

— Пойдемте, мой господин Селим. Я приготовил для вас ночлег, а завтра после утренней молитвы вы со своим гаремом отправитесь из дворца в дорогу.

— Куда? Мне никто ничего не говорил, кроме того, что теперь я назначен правителем какой-то провинции, до которой два дня пути.

— Много лет назад, мой господин, твой отец подарил твоей матери небольшой дворец, выходящий окнами на Черное море. Теперь он твой. Госпожа Мадина будет сопровождать тебя туда вместе с гаремом.

— Да хранит тебя Аллах, мой старый друг, — ответил принц. — Со мной тетушка будет в безопасности. Кадины моего отца ненавидят ее за верность мне.

— Знаю, — сказала она. — На ее жизнь уже дважды покушались.

— Что ты сказал?!

— Не сердись, мой господин. Я говорю тебе это только для того, чтобы ты был настороже. Но пойдем, здесь даже стены имеют уши. Поговорим позже. — Он обернулся к девушкам, замершим в ожидании. — Следуйте за мной, мои красавицы. Пора отдыхать, час поздний.

Покинув Большой зал, они прошли вслед за Наджи-беем по длинным извилистым галереям в просторные покои, где их ожидала госпожа Мадина. Нехитрые пожитки девушек за исключением ночных одеяний были уже уложены перед дорогой.

— Отдыхайте, дети мои. Завтра рано утром мы уезжаем, — сказала госпожа Мадина.

— Но вдруг принц призовет кого-нибудь из нас сегодня? — спросила испанка.

— Этого не будет, — ответила Мадина.

— Откуда тебе знать? — не унималась девушка.

— Сурайя, ты сегодня слишком переволновалась и забыла о манерах, которым тебя учили. Учти, пожалуйста, что твое положение не изменилось, несмотря на то что принц Селим включил тебя в число своих избранниц. Ты по-прежнему всего лишь рабыня, простая гедиклис и таковой останешься до тех пор, пока тебе не удастся доставить приятные мгновения своему господину. Предупреждаю: этого может никогда не случиться, если ты и впредь будешь забываться. Турки не питают уважения к невоспитанным женщинам и карают их за это.

У Сурайя хватило ума смущенно опустить взгляд после этого справедливого выговора.

Пробормотав извинения, она стала расправлять свою постель. Мадина пожелала спокойной ночи каждой девушке отдельно. Потом, когда они все легли, добрая женщина приказала рабу затушить лампы и вышла из комнаты.

— Не пускайте сюда никого, кроме меня и ага кизляра, — сказала она вооруженной охране у дверей, — иначе не сносить вам головы.

Мадина отправилась в соседние покои, где ее ожидали принц Селим и Наджи-бей.

— Здесь можно спокойно поговорить, — сказал евнух.

— Слава Аллаху! — воскликнула Мадина. — Как я счастлива, что мы завтра покинем этот сераль! — Повернувшись к племяннику, она добавила:

— Как мне отблагодарить тебя, сын мой?

— Стыдно сказать, но идея взять тебя, тетя Мадина, исходила от Наджи-бея. Я как-то не подумал

— Его высочество и сам предложил бы это, не будь он так загружен различными делами. Я устроил это, стремясь лишь снять часть груза с его плеч.

— В последнее время ты много чего для меня стал устраивать, Наджи-бей, — усмехнувшись, проговорил принц. — Теперь объясни, почему ты выбрал для меня именно этих трех красавиц.

— Каждая из них достойна стать твоей кадиной, мой господин. Повинуясь воле твоей покойной матери, я в конце прошлого года покинул Константинополь и отправился на поиски женщин, достойных чести называться твоими женами. Это должны были быть невинные девушки, к тому же совершенно незнакомые с нашей гаремной системой. Я сразу рассказал им, что их ждет впереди, и заручился их поддержкой. Они преданы тебе всецело, мой господин. Сафия из Индии, я приобрел ее в Дамаске. Айгуль из Китая, я нашел ее в Багдаде. Рания же родилась в стране, которая называется Шотландия. Это к северу от Англии.

Я купил ее в Кандии. Сурайя — испанка. Ее я купил на невольничьем рынке в Константинополе. Ирис из Греции, куплена на Крите. Шамсия из холодной России. Ее я купил последней. Именно с ней я связываю главные надежды. Девушка обладает удивительно гармоничным сочетанием ума и красоты. Больше того, порой в ней угадываются и зачатки мудрости. При бережном обращении она в один прекрасный день может стать бесценной и незаменимой. Кроме того, Шамсия просто прелестна. Надеюсь, она сумеет доставить тебе немало приятных мгновений жизни, мой господин.

— Я уже имел удовольствие познакомиться с ее мудростью сегодня. Ведь это она посоветовала мне поднести дары Гюльфем.

Наджи-бей и Мадина заулыбались.

— Птичка быстро учится летать, — заметил евнух.

— У нее удивительные глаза, — продолжал принц. — Будто изумруды. Редкий цвет для глаз. Они чистые-чистые, и в них можно заметить черные и золотистые искорки, словно лилии в спокойном пруду.

— Значит, тебе пришлось по душе мой выбор, господин?

— Да, но это, похоже, не понравилось моему отцу. Будем надеяться, что у тебя еще остались в запасе девушки, равные по красоте моим. Иначе он отнимет у меня мой гарем. Про Шамсию я уже сказал. Да и остальные девушки прелестны. Воистину тебе помог сам Аллах отыскать такие сокровища. Ну а что ты думаешь о моем собственном выборе?

— Гречанка и индианка очень красивы. Это простенькие и безмятежные девушки, тебе будет хорошо и спокойно с ними. Китайка застенчива, но очень чувствена, у нее есть дар предвидения. Шотландка спокойна и рассудительна. Что же касается юной испанки, то на твоём месте я выбрал бы вместо нее кого-нибудь другого. У нее скверный характер, она вспыльчива и слишком остра на язык. Мне кажется, от нее в будущем можно ждать неприятностей.

— Это правда, — вторила евнуху Мадина. — Уже сегодня она пыталась спорить со мной.

— Ничего, мы приглядим за ней, — сказал Наджи-бей. — Ну а теперь к делу. Тебе уже известно желание твоей матери, чтобы именно ты получил трон после отца. Нам удалось подыскать подходящие кандидатуры на роль твоих будущих кадин и добиться, чтобы тебе отдали под начало Крым, но все это лишь часть нашего плана.

— Да, план мне известен, Наджи-бей. Ты же знаешь, что по законам империи трон отца переходит к старшему сыну. Так что мне не стоит зря надеяться. Мой брат молод и здоров.

— Наследником был Мустафа, твой брат.

— Мустафа умер в возрасте двух лет от простуды.

— Он заболел после того, как навестил однажды Гюльфем по ее приглашению. Та дала ему подозрительные сладости, которые он съел сам и угостил свою мать. Ребенок страшно страдал и к утру умер. Твоя мать болела несколько дней. Ей удалось поправиться, но она была убита горем. Тогда меня только-только назначили на должность ага кизляра. Я с самого начала подозревал, что их отравили. Оставшиеся леденцы я скормил собаке, и та сдохла. Когда я рассказал об этом твоей матери, ее скорбь уступила место ненависти к Гюльфем.

— Почему же мама не разоблачила Гюльфем?

— Она разоблачила ее, но твой отец ничего не хотел слышать. На протяжении нескольких месяцев она пыталась оправиться от горя, а потом вновь появилась перед твоим отцом. Тот продолжал любить Лейлу и потому, увидев ее, призвал ночью к себе. Плодом возродившейся

любви и стал ты, мой господин. Гюльфем не очень беспокоилась, ибо раньше у султана родился еще один сын, от третьей кадины, Сафийе. Гюльфем знала, что твоей матери не удастся избавиться сразу от двух твоих конкурентов, и потому была спокойна за своего Мурада. И тем не менее Лейла еще до твоего рождения твердо решила, что ты должен занять место Мустафы.

Именно для этой цели тебе было дано такое хорошее образование, и именно поэтому Лейла, когда пришел ее смертный час, умоляла тебя вернуться из Египта. Всю твою жизнь тебя так ревностно сторожили, что даже родной отец почти ничего не знал о тебе. И Лейла решила, что пришло, наконец, время ему познакомиться с тобой поближе. Чтобы он мог сделать наследником тебя.

Она хотела, чтобы ты был на виду у всех, чтобы тебя узнал народ, чтобы янычары увидели, как сильно ты отличаешься от своих братьев. В лучшую сторону, разумеется. Ты добрый человек, отличный воин и правоверный мусульманин. А когда родятся ваши сыновья, то лучшего наследника не найти.

Когда Сулейману придет пора присоединиться к своим предкам в раю, ты должен будешь действовать весьма энергично. Перед тем как султан закроет глаза, твои братья, их матери и все преданные им люди должны умереть. Тогда ты станешь султаном, а Лейла и Мустафа будут отмщены.

Наджи-бей закончил говорить, и в комнате повисла долгая пауза. Мадина с тревогой вглядывалась в лицо племянника в ожидании его реакции на сказанное. Селим поднялся, вышел на балкон и устремил взгляд вдаль. Внизу погруженный во мрак дремал Константинополь. Тишина нарушалась лишь лаем бездомных собак, которые выли на висевшую в небе полную луну. Тихо шелестели воды Золотого Рога.

— Их удавят, зашьют в мешки и бросят в пролив, — мрачным голосом проговорил он. — Всех, кроме Гюльфем. Эту ведьму я сам скормлю псам.

Лицо Наджи-бея медленно расплылось в улыбке.

— Все это будет через много лет, мой господин. Ты должен воспитать в себе великое терпение, сравнимое с тем, что было у кошки Пророка. Если наши планы будут раскрыты, ты умрешь.

— Я не подведу свою мать, Наджи-бей. И тебя, моего старого друга, тоже. Я отдаю себе отчет в том, что на кон поставлены наши жизни.

— Час уже поздний, — подала голос Мадина. — Думаю, пора спать. Впереди всех нас ждет утомительный переезд.

Они поднялись с подушек. Ага, пожелав им спокойной ночи, скрылся за потайной дверью за гобеленом.

— Спокойной ночи, милый племянник, — сказала Мадина. — Я возвращаюсь к твоим голубкам.

— И вам, тетушка, спокойной ночи.

Принц проводил ее до дверей и смотрел ей вслед до тех пор, пока евнух, охранявший вход в гарем, не пустил ее внутрь.

Закрыв дверь. Селим хлопнул в ладоши, призывая своего личного раба. Тот помог ему снять праздничный наряд, набросил на плечи хозяина мягкий шерстяной халат и удалился.

Селим снова вышел на балкон и стал смотреть в ночное небо. Оно казалось удивительно чистым и искрилось мириадами звезд. Селим глубоко вздохнул, успокаиваясь. Теперь он

точно знал, куда приведет его судьба, и какая роль в достижении поставленных целей отведена лично ему. Пока же он будет добрым принцем Селимом, преданным своему отцу, брату Мураду и его семье. Он будет ненавязчив, но всегда на виду и внешне будет казаться довольным своей долей. А в нужный момент ударит и заберет себе все. Примет под начало империю. Другие недостойны править ею.

Душа его ожесточилась. Но он принял решение и твердо решил воплотить его в жизнь. Он вернулся в комнату, лег на диван и тут же крепко заснул.

Утро выдалось солнечным, небо было чистым и ясным. По городу гулял свежий легкий ветерок, принося с собой ароматы цветов и зрелых фруктов ранней осени. Улицы были запружены людьми, настроение у всех было праздничное, ибо в Константинополе уже слышали о торжествах, дававшихся накануне вечером в Эски-серале. Знали и о том, что сегодня принц Селим и вся его свита покидают дворец и отбывают в отданную под его начало провинцию.

Наиболее предприимчивые домовладельцы продавали места у окон своих домов, на балконах и крышах для зевак. Тем счастливицам, которые попали туда, должно было открыться потрясающее зрелище.

Шумный вздох прокатился по толпе, собравшейся вокруг главных ворот Эски-серала, когда те начали медленно раскрываться. Люди отчаянно вытягивали шеи, стараясь хоть что-нибудь узреть поверх голов тех, кто стоял впереди. Из ворот на гнедых лошадях выехало несколько янычаров в своей обычной красно-зеленой одежде. Размахивая над головами людей плетью с металлическими наконечниками, они заставили толпу расступиться.

Затем выехал Али Хамид, султанский глашатай. На нем были оранжевые шелковые шаровары, такая же рубаха и халат в серебристо-оранжевую полоску, полы которого спускались по широким и блестящим бокам лошади. На голове красовался тюрбан с оранжевым плюмажем. Он проехал чуть вперед и вскинул над головой руку.

На толпу опустилась тишина.

— Внимайте! — зычно выкрикнул глашатай. — Внимайте, о люди Константинополя, и восторгайтесь невиданной добротой нашего великого султана Сулеймана, верного слуги Аллаха на этой земле, да продлятся его славные годы! Сегодня его сын принц Селим, что родился от любимой жены султана Лейлы, покидает родительский дом с большими почестями. Посмотрите на него, о люди Константинополя, и подивитесь огромной силе отцовской любви! И пусть великая честь, оказанная султаном Сулейманом своему сыну, послужит для всех вас славным примером!

Внимай, Константинополь! Сейчас ты узришь шесть прекрасных дев, одну краше другой, которых принц заберет с собой. Таков дар его повелителя, который открыл перед своим сыном двери собственного гарема и предоставил ему право свободного выбора наложниц! Кто из вас хоть раз слышал о подобной щедрости?!

Гул одобрения прокатился по толпе.

— Узрите, о люди Константинополя, многие дары, посланные от тех, кто преисполнен страха и уважения к нашей великой империи! Эти дары есть честь, оказанная младшему сыну нашего повелителя!

Смотрите и ничего не пропустите, а когда будет близок ваш последний час, расскажите своим внукам и правнукам о величии нашего могущественнейшего султана Сулеймана!

Султанский глашатай проехал на некоторое расстояние вперед, остановился и вновь

повторил все то, что уже сказал у ворот, через которые уже выдвигался караван с дарами. По сторонам от него ехали рабы принца, обеспечивая безопасный проезд.

Вскоре в широком проеме ворот появился всадник на черном как ночь жеребце. Толпа жадно подалась вперед в стремлении рассмотреть его получше. Янычары с большим трудом сдерживали ее.

— Это принц! — крикнул кто-то, и вся толпа тут же подхватила:

— Селим! Селим! Селим!

Принц въехал в самую гущу народа. Он уверенно восседал на своем скакуне, и на губах его играла легкая улыбка. На нем был бело-золотистый наряд, на руках сверкали перстни с драгоценными камнями, а тюрбан украшал огромный кроваво-красный рубин. Не обращая внимания на плети янычаров, люди стремились прорваться к принцу. Женщины упивались его молодостью и обаянием, а мужчины дрались за право коснуться его кожаных расшитых золотом сапог.

Капитан янычарской стражи прорвался к принцу на своей лошади и взволнованно проговорил:

— Ты можешь пострадать, мой господин. Позволь моим людям рассеять эту чернь.

— У меня есть кое-что получше твоих плетей.

Селим запустил руку в мешок, прицепленный к седлу, достал оттуда пригоршню монет и швырнул их в возбужденную, ревущую толпу. Люди мгновенно расступились, бросившись собирать деньги. Принц пустил своего коня шагом, то и дело разбрасывая монеты. Толпа радостно редела, и каждый раз в том месте, куда падали монеты, образовывалась дикая свалка.

За Селимом следовали карлики-евнухи, наряженные в желто-зеленые халаты, за ними в серебристо-золотом паланкине, который несли четверо черных рабов, ехала госпожа Мадина. За ней вышагивали шесть белых верблюдов, на горбчатых спинах которых были укреплены небольшие сиденья-хоуды, обтянутые фиолетовым шелком. В каждой хоуде ехала девушка из нового гарема принца Селима. По толпе прокатывался возбужденный шепот. Лица красавиц были скрыты непроницаемыми вуалями, и людям оставалось напрягать свое воображение в стремлении мысленно проникнуть за них.

Процессия медленно продвигалась вдоль узких улочек вперед. Когда исторический центр города остался позади, улицы стали шире. День был жаркий, и Шамсия, закутанная в нарядные одежды и вуали, уже начала проявлять первые признаки нетерпения, желая, чтобы весь этот восточный пышный маскарад поскорее закончился. Спустя два часа караван выехал из города через восточные ворота и резко прибавил в скорости.

К вечеру они решили сделать остановку, и на небольшом холме у моря был разбит лагерь. На следующее утро шатры были свернуты, и караван продолжил путь. Наконец вечером третьего дня они прибыли к месту назначения.

Дворец Лунного света издали напоминал редчайшую жемчужину, поднятую со дна Черного моря и водруженную посреди невысоких зеленых холмов. От него исходило сияние и блеск, будто от хрусталя. Шамсия была поражена увиденной красой, но, когда караван приблизился к дворцу по пыльной подъездной аллее, девушке стало ясно, в каком запущенном состоянии он находится. Вдоль аллеи ровными рядами возвышались высокие тополя, но вокруг все заросло дикой травой. Вид же самого дворца был еще более жалким. Шамсия поняла, что здесь много лет уже никто не жил и за дворцом совершенно не следили.

Ее верблюд опустился на колени, и карлик-раб помог ей сойти из хоуды на землю. Шамсия тут же побежала к госпоже Мадине.

— Нам придется жить здесь? — волнуясь, спросила она.

— По-видимому, щедрость султана не распространяется дальше Константинополя, — сухо заметила женщина.

— Здесь все так ужасно! И жить просто невозможно! — расстроенным голосом проговорила Шамсия. — Необходимо что-то немедленно сделать!

— Верно, — раздался вдруг спокойный мужской голос. Они обернулись и увидели принца.

— Ты столь же вспыльчива, сколь и прелестна, — рассмеявшись, проговорил он. Шамсия покраснела и низко склонила голову.

— Прости, мой господин, свою недостойную рабу за несдержанность; — начала было она.

— Нет, ты совсем не похожа на недостойную рабу, Шамсия. Краска на ее лице сменилась бледностью.

— Но пока, — продолжал Селим, — пусть все останется так, как есть. В будущем, надеюсь, ты будешь обращаться ко мне, как к мужчине, а не как к полубогу. Однако твое уважение ко мне должно остаться прежним, ибо я никогда не допущу, чтобы мной командовала женщина. — Он обернулся к своей тетушке:

— Я ничего не понимаю в хозяйственных вещах, тетя. Что тут нужно сделать, чтобы дворец вновь принял жилой вид? Возьмешь эту задачу на себя?

— Но я не могу, милый племянник! Мои знания в этих вопросах столь же малы, как и у тебя. Не забывай, что нас с твоей матерью с самого детства учили быть гедиклис, а не экономками. Но насколько мне известно, Шамсия разбирается в этом, ее учили вести хозяйство там, откуда она родом. Пусть она займется обустройством дворца. А я буду помогать ей советами, ибо лучше знаю турецкие обычаи.

— Очень хорошо, — сказал Селим. — Но, полагаю, первым делом надо разбить шатры, чтобы хотя бы временно устроиться по-человечески. Мадина, пошли Наджи-бею записку и укажи в ней все, в чем мы нуждаемся. Шамсия, подготовь список.

— Да, мой господин. — Мадина подозвала к себе одного из рабов. — Ты едешь верхом?

— Да, моя госпожа.

— В таком случае оседлай мавританского мерина и возвращайся ко мне. Я вручу тебе записку, которую ты передашь Наджи-бею. Раб убежал исполнять приказание.

— Госпожа Мадина, не согласитесь ли вы помочь мне составить список? Я еще плохо пишу по-турецки.

— Конечно, моя дорогая. Сейчас я коротко опишу ситуацию, и мы приступим. Что мне написать?

— Расскажите Хаджи-бею все, что мы тут увидели. Напишите, что мы нуждаемся в рабочих для ремонта жилых помещений, водопровода, кухни и бань. Нам нужны садовники для сада, мебель для дворца и дополнительные рабы. Все это должно быть сделано в течение месяца. Скажите, что мы вынуждены ночевать, как кочевники.

Мадина подозвала одну из служанок и приказала ей принести бумагу и перья. Когда записка была составлена. Шамсия вернулась к остальным девушкам.

— Что ж, подружки, сами видите, куда нас занесло.

— Но я заметила, что ты весьма быстро предложила выход из положения нашему господину,

— язвительно проговорила Сурайя. — Одного не пойму, с чего это ты вдруг начала тут всем распоряжаться?

— Госпожа Мадина предложила мою кандидатуру. Ах, Сурайя, давай не будем ссориться. Впереди столько работы! Тебе когда-нибудь приходилось вести большое хозяйство? Если да, то я с радостью поменяюсь с тобой местами. Хочешь?

— Нет.

— Вот видишь. Значит, все-таки именно мне придется взвалить это себе на плечи. До того как я попала в султанский гарем, я помогала маме вести хозяйство в поместье и во дворце моего отца. Если бы меня не похитили, я сейчас уже была бы там хозяйкой. Нам всем нужно взяться за работу, чтобы сделать приятное нашему господину.

Сурайя отвернулась и пробормотала:

— Мой отец служил садовником у богатого вельможи. Я разбираюсь в растениях и умею за ними ухаживать.

— Прекрасно! В таком случае ты должна возродить здешний сад. Турки любят свои сады, и наш принц не исключение. Ты сможешь это сделать?

— Да, — ответила испанка, чуть подумав. — Смогу, пожалуй.

Шамсия положила руки Сурайте на плечи:

— Значит, с этой минуты, подруга, сад — твоя головная боль. Ты в нем полновластная хозяйка.

Испанка улыбнулась:

— Посмотрим, справишься ли ты с ремонтом дворца так, как я справлюсь с возрождением сада.

Шамсия настороженно посмотрела на нее, но через секунду почувствовала, что Сурайя просто дразнит ее, и обе девушки звонко рассмеялись.

Когда раб с запиской для Наджи-бея ускакал обратно в Константинополь, девушкам разрешили немного отдохнуть. Шамсия спросила позволения госпожи Мадины прогуляться по округе, и та ничего не имела против.

Шамсия вскоре поняла, что если подойти к делу серьезно и ответственно, дворец действительно может превратиться в сверкающую жемчужину. Он стоял на холме, о подножие которого плескались волны Черного моря. Вокруг лежали поля и леса. Местность была очень красивая.

До Шамсии донесся шум источника, она пошла на звук и вскоре оказалась на берегу озера с чистой-чистой водой и песчаным дном. Сюда изливался маленький водопад, зажатый меж двух скал. Берега озера были покрыты толстым мшистым ковром, а сквозь кроны деревьев пробивалось яркое солнце. Присев на корточки. Шамсия зачерпнула воду рукой. Она была свежая и прохладная, а девушке было жарко, она была покрыта дорожной пылью с ног до головы.

«Ничего, остальным расскажу позже, — решила она, — а пока искупаюсь сама». Ведь с тех пор как она в последний раз принимала ванну одна, прошло так много времени! И так давно она вообще не была одна. Шамсия сейчас воистину наслаждалась одиночеством. Раздевшись и оставив одежду на берегу, она собрала длинные волосы в пучок на затылке, закрепила их заколкой и вошла в воду. Солнце серебрило спокойную воду, по которой бежала лишь легкая рябь от водопада. Ласкающий прохладный поток подхватил Шамсию, она уже не чувствовала усталости после утомительного переезда. Поплавав в свое удовольствие и полежав на спине,

она повернула к берегу, но в следующее мгновение ее обуял ужас, ибо она увидела принца Селима, который сидел на мшистой кочке рядом с ее одеждой, смотрел на нее и улыбался. Ступни Шамсии коснулись дна, но она не стала выходить из воды и только продолжала недоуменно-испуганно смотреть на своего господина, не зная, что делать.

— Выходи, милая русалка, а то замерзнешь.

— Я не могу, мой господин.

— Почему? — На лице его немедленно отразилась тревога. — У тебя судорога?

— Нет, мой господин; — Шамсия мялась, подбирая нужные слова. — Просто я не привыкла появляться перед мужчиной обнаженной.

— Ну ничего. Скоро привыкнешь. — Он усмехнулся.

— Прошу тебя, господин; — дрожащим голосом пролепетала Шамсия и замолчала, не договорив. В глазах ее застыла немая мольба. Но он не двинулся с места.

— Если ты сейчас же не выйдешь из воды, русалка, мне придется присоединиться к тебе. — Он со смехом стал стягивать с себя рубаху. У него была мускулистая и загорелая грудь с гладкой кожей.

Ей пришла в голову дерзкая мысль.

— Присоединяйтесь, мой господин. Вода теплая.

«Так значит, она хочет поиграть со мной, — удивленно подумал принц. — Вот лиса!»

Он разулся и снял с себя шаровары. Шамсия внимательно следила за ним. Подбежав к крутому берегу, принц нырнул, а когда показался на поверхности воды в том месте, где минуту назад была Шамсия, девушки и след простыл. Обернувшись, принц увидел, что она уже на берегу и лихорадочно натягивает на себя одежду. Селим в несколько гребков добрался до берега и выскочил из воды. Он был взбешен, и в глазах его горел плотоядный блеск.

Шамсия успела надеть шаровары, когда он нагнал ее и рванул на себя. Заколка слетела с роскошных золотистых волос, и они разметались по ее плечам и по плечам принца. Селим наклонился и накрыл ее рот крепким поцелуем. Он силой заставил ее разомкнуть губы и коснулся своим языком кончика ее языка. Девушку поначалу охватила сильная дрожь, но она вдруг обмякла в его объятиях.

Селим никак не ожидал этого. Он бережно опустил ее на мшистый ковер. Глаза девушки были закрыты, и черные ресницы четко выделялись на бледном лице. Он осторожно приложил ладонь к ее левой груди и услышал, как неистово колотится сердце. Принцем овладело смущение. До сих пор ему ни разу не приходилось видеть упавшую в обморок женщину, и он не знал, что делать. Все происшедшее охладило его животный пыл. Отыскав на берегу халат Шамсии, он бережно укрыл им девушку.

Через минуту она открыла глаза.

— Прошу тебя, мой господин, — прошептала она, — не надо здесь. Я не крестьянка, чтобы меня можно было взять в лесу прямо на земле;

— Почему ты лишилась чувств?

— Я испугалась, мой господин. — Легкая улыбка коснулась кончиков ее губ. — Ты выглядел таким сердитым;

— За эту выходку тебя следовало бы как следует выпороть.

— Да, мой господин. Простите Вашу недостойную рабу.

Ее раскаяние было настолько искренним, что он не удержался от смеха.

— Зачем ты пригласила меня присоединиться к тебе в воде?

— Я думала только о том, чтобы поскорее забрать свою одежду, мой господин. Мне казалось, что ты не бросишься догонять меня; голый.

Ее честность поставила его в тупик.

— Я уже однажды видел тебя обнаженной, — проговорил он глухо. — Не надо краснеть. Ты очень красива. Тебе нечего стыдиться своего тела. Возможно, когда мы познакомимся поближе, ты не будешь так робеть.

Она опустила ресницы и молчала. Принц вновь наклонился и поцеловал ее. Девушку опять охватила дрожь.

— Не бойся, девочка, я не стану брать тебя силой, — мягко проговорил он.

— Мой господин; — извиняющимся тоном пролепетала она. Он закрыл ей рот рукой:

— Ты права, красавица Шамсия. Ты не крестьянка, чтобы я взял тебя здесь в лесу прямо на земле. Я возьму тебя при полной луне в красивой комнате, напоенной ароматами дивных курений. И будет тихо звучать персидская любовная песнь. Ты поделишь ложе с принцем, который уже влюбился в тебя. А пока одевайся и возвращайся в лагерь. И не надо никому рассказывать о том, что здесь произошло.

Она ушла, а он все сидел на берегу озера, погруженный в свои мысли. Вид ее стройного обнаженного тела пробудил в нем дикий животный инстинкт. Если бы она не лишилась чувств, он изнасиловал бы ее и все испортил бы. Наджи-бей много рассказывал ему обо всех шести девушках, но постоянно возвращался к Шамсии. Когда же Селим спросил, почему он это делает, Наджи-бей улыбнулся и ответил:

— Все, умолкаю. Но ты сам, мой господин, скоро поймешь, почему мне эта девочка ближе остальных.

Селим с самого начала всерьез заинтересовался ею. А тот совет, который она дала ему на торжественном празднике во дворце отца-султана, вызвал в нем живой восторг. Она была умна, преданна и красива. Все это, безусловно, радовало его. За те три дня, что они прошли караваном из Константинополя, он неоднократно имел случай удостовериться, что она во всем любит быть первой, несмотря на природную мягкость. С подругами по гарему она держалась приветливо и ровно, уступала госпоже Мадине, а вот сегодня проявила еще и скромность; Всего этого было достаточно для того, чтобы принца охватило желание сойтись с ней ближе. Его волновала не только красота ее тела, но в данный момент он не мог думать ни о чем ином.

Дворец будут приводить в порядок как минимум с месяц. И что же, все это время он будет вынужден находиться рядом с ней, не имея возможности прикоснуться к ее нежной коже? Ведь он обещал ей красивую комнату, но как сдержать обещание и дожидаться, пока эту комнату приготовят?

Он знал, что у него не хватит сил. Можно, конечно, пока уложить в свою постель другую девушку, но он не хотел другой, сейчас его мысли занимала только Шамсия.

Поднявшись, он быстро вернулся в лагерь и отыскал тетушку:

— Я уезжаю на охоту, — сказал он ей. — Пока во дворце творится хозяйственная суета, мужчине здесь не место. А через месяц, когда все будет, как я надеюсь, готово, мы вернемся.

И с этими словами, не дожидаясь ответа, он оседлал коня, кликнул телохранителей, и они ускакали.

В течение месяца дворец Лунного света совершенно преобразился, вернув себе утраченную красоту. Теперь он и верно походил на редкую жемчужину, лежавшую среди светло-зеленых

холмов. Внешние стены очистили песком, и они вновь засверкали белизной. Сломанные колоннады, окна, декоративные решетки и фонтаны отремонтировали. Печи в кухне протопили, кладовые доверху набили припасами. Крыши пристроек выложили свежей соломой, а из выкрашенных заново стойл конюшни доносилось ржание лошадей принца Селима.

Вскоре привезли мебель, и она была расставлена в комнатах дворца Лунного света с большим вкусом. Рабочие повесили лампы, расстелили ковры.

Еще во время первоначального осмотра дворца Шамсия обнаружила небольшое крыло, одной стороной выходящее на море, а другой — на холмы. Девушка подумала, что именно здесь и должен быть гарем. Она сказала об этом госпоже Мадине, и та согласилась с ней.

Чтобы попасть в это крыло, необходимо было пройти через высокие двустворчатые двери, за которыми открывался небольшой приемный зал. Сюда можно будет приглашать местных торговков, чтобы, они предлагали свой товар женщинам. Справа помещалась еще одна приемная, а уж за ней шли комнаты гарема. Приемная была, просторной, и дальняя ее стена представляла собой высокое — от пола до потолка — окно, выходящее в сад, откуда открывался дивный вид на море. Здесь женщины Селима могли спокойно гулять среди цветов, зная, что их никто не побеспокоит. Слева от приемной был коридор, ведущий в бани, справа — другой коридор с арочным входом. Вдоль одной его стены тянулись шесть небольших спален. У каждой был чуланчик для евнуха или личной прислуги. Вдоль противоположной стены располагались покои госпожи Мадины: красивая гостиная и спальня, окна которых выходили в небольшой личный садик.

Теперь было совершенно ясно, что всем шести девушкам придется следить за хозяйством до тех пор, пока не появится толковый раб-эконом. Под руководством Мадины они превращали дворец и его уголья в райский уголок. И продолжали учиться всему, что должна знать и уметь будущая фаворитка принца.

Однажды днем на усыпанной гравием подъездной аллее показался скачущий галопом всадник. Его немедленно привели к госпоже Мадине.

— Завтра к вечеру ждите принца Селима, — объявил посланник.

После известия во дворце поднялась суматоха. Сурайя энергично принялась наводить последний лоск в возрожденном саду. Сафия отправилась на кухню и предупредила поваров, чтобы те приготовили к завтрашнему вечеру роскошный обед. Айгуль и Ирис распорядились, чтобы к приезду принца рабы навели порядок в его покоях и как следует проветрили их, а также дали указания музыкантам и танцовщицам. Рания распорядилась о дополнительных закупках. А Шамсия занималась всем и сразу, давая указания, порхая, словно бабочка, из одного места в другое.

Вечером все шесть девушек направились в хаммам. Мадина с улыбкой наблюдала за ними, гадая про себя, как долго они останутся подругами и как долго продлится между ними согласие.

Селим был приятно удивлен видом дворца. Его встречали тетушка и шесть очаровательных девушек, которые робко улыбались ему из-под прозрачных вуалей, закрывавших их лица.

— Как тебе твоё жилище, племянник? Ты всем доволен? — спросила Мадина, проводив Селима в новые покои.

— Если честно, я поражен! Уезжая, я никак не думал, что всего за месяц здесь удастся сделать так много. Один сад чего стоит! Он выглядит так, как будто за ним следила целая армия

толковых садовников в течение многих лет. И как у тебя все это вышло?

— Я тут ни при чем.

Принц удивленно посмотрел на нее.

— Что, уже забыл? Ведь ты сам поручил Шамсие провести реконструкцию дворца. Чудо, которое ты видишь перед собой, сотворили она и остальные женщины твоего гарема. Если тебе понравился сад, благодари Сурайю. Если придется по вкусу еда — Сафие спасибо. Домашние рабы обучены Айгуль и Ирис. Ранья отвечала за мебель. Она даже дважды тайно выезжала в Константинополь, чтобы лично подобрать обстановку для дворца Лунного света на складах в Эски-серале. Шамсия же руководила работами, энергично и вместе с тем мягко проводя в жизнь свои задумки. Словом, тебе очень повезло с гаремом.

— Верно, работать мои женщины умеют. Но столь же они искусны и в других вещах? Или мне придется укладывать в постель красивых экономок?

— О Аллах! — возмутилась тетушка. — А ты бы хотел иметь вместо них шесть толстых лентяек, которые бы думали только о себе? Я почти всю свою жизнь прожила в Турции и хорошо изучила турецкие традиции. И если ты не понимаешь, обладателем какого сокровища стал, получив собственный гарем, то ты глуп безмерно! Успокойся, твои женщины прекрасно изучили и «другие вещи». Не думаю, что на этом пути тебя постигнут разочарования. Вы, мужчины, все одинаковы! Но позволь заметить, если бы ты приехал и увидел, что у тебя во дворце все тот же свинарник, тебя не обрадовала бы даже самая искусная в любви красавица. Селим не удержался от хохота.

— О, тетушка, — воскликнул он, вытирая выступившие слезы, — мать всегда говорила, что ты ко всему относишься слишком серьезно. Я шучу!

Он обнял тетушку за плечи и поцеловал в щеку. В глазах госпожи Мадины еще сквозило недовольство племянником, но губы уже тронула улыбка.

— По годам ты давно мужчина, а все дурачишься как маленький.

Он засмеялся и, желая исправиться, спросил:

— Отужинаешь сегодня со мной, а?

— Ой, чуть не забыла! Твои девушки просили узнать — если, конечно, ты не очень устал с дороги, — не согласишься ли ты провести этот вечер вместе с ними. Ты не должен отказываться. Селим. Все это время они трудились не покладая рук, желая порадовать тебя, а ведь вы еще толком и не познакомились.

— Хорошо, тетушка. Целый месяц я был в компании одних мужчин, и действительно пришло время узнать свой гарем поближе. Скажи им, что я приду.

Мадина грациозно поклонилась и удалилась. Мадина увидела в глазах своего племянника скрытое нетерпение и желание, но решила проверить его терпение и выдержку.

Вечером Селим, скрестив ноги, сидел во главе обеденного стола и с довольной улыбкой разглядывал девушек, сидевших напротив него. Они были словно красочные полевые цветы: Айгуль вся в голубом, Сурайя в красном, Ирис в персиковом, Ранья в переливчато-синем, Сафия в темно-розовом, а на Шамсие был наряд бело — золотой. Перед ним сидели прелестные представительницы разных народов и культур. Селим почувствовал зародившееся в нем желание. Вот уже целый месяц, как он не спал с женщиной. Если не считать, конечно, той молодой крестьянки, которая попала ему на охоте. А Селим, как и все османские принцы, отличался завидным здоровьем и был легко возбудим.

Ирис, мягко улыбнувшись ему, спросила:

— Можно мне спеть тебе, мой господин? На родном языке? — Шамсия изучила его и будет переводить.

Он согласно кивнул, и раб внес в комнату какой-то струнный инструмент. Ирис пристроила его на коленях и начала настраивать.

Она хорошо пела и аккомпанировала себе, а песни были веселые и задорные. Шамсия негромко переводила слова Селиму, краснея в некоторых наиболее откровенных местах. Принц смеялся от души. Затем Ирис завела романтическую персидскую любовную песню, а Сурайя медленно поднялась со своего места и пошла в танце, зазывно покачивая в такт стройными бедрами.

Селим перевел глаза на других девушек. Он понял, что не заснет сегодня без женщины. И еще месяц назад, сидя на берегу лесного озера, он решил, что начнет с Шамсии. Она будет первой женщиной из его гарема, которая разделит ложе со своим повелителем.

Шамсия — сдержанная, умная, невыразимо желанная, чувственная. Аллах ведает, какой пожар способен разгореться под этой белоснежной гладкой кожей.

Подозвав раба, он приказал ему по окончании вечера пригласить в свои покои тетушку. Раб поклонился и ушел, а Селим вновь обернулся к своим женщинам. Они развлекали его еще какое-то время, затем, улыбкой выразив свое удовольствие по поводу вечера, проведенного с ними, он ушел.

Девушки тут же начали оживленную беседу. Вечер удался на славу, они явно угодили принцу Селиму. Девушки даже не заметили, как в комнате появилась Мадина.

— Племянник вызывает к себе на эту ночь одну из вас, — объявила добрая женщина.

Девушки тут же замолчали, с надеждой и страхом глядя на нее.

— Шамсия, у тебя есть час, чтобы подготовиться. Ступай.

Провожаемая молчаливыми взорами своих подруг, Шамсия вышла вместе с Мединой в коридор, где ее ждали рабы для сопровождения. Последние месяцы каждая из них мечтала о том мгновении, когда господин призовет ее к себе на ночь. Но как ни странно, сейчас они были рады за Шамсию. Девушки немножко завидовали тому, что принц выбрал сегодня именно ее, но ни одной не хотелось быть первой. Страшновато. Ведь не смотря на все уроки о том, как доставить удовольствие своему господину, они были девственницами.

Сопровождаемая госпожой Мединой и рабами, Шамсия вернулась в свои покои. Служанки быстро приготовили наряд для нее, роскошное, расшитое серебром голубое одеяние. В нем Шамсия казалась легкой воздушной пери. Волосы перевили серебряными нитями. От волнения Шамсия была, как в тумане, толком не осознавая, кто сейчас около нее, во что она одета. В груди испуганной птичкой билось сердце. Наконец, Мадина решила, что Шамсия готова. Они вышли из покоев, Мадина обняла взволнованную девушку и прошептала: «Не бойся, птичка моя, все будет хорошо!» Шамсия села в носилки. Рабы подхватили их и быстро двинулись в крыло, где располагались покои принца. Они остановились перед резными дверьми, ведущими в его комнаты. В коридоре было тихо, освещение тусклое, и сердце бешено колотилось в груди юной Шамсии. Недавно принятый в гарем принца евнух, сопровождавший носилки, наклонился и шепнул:

— Идите, наш господин ждет вас.

Шамсия, у которой дрожали колени, помогли выйти и подтолкнули к дверям.

Она оказалась в приятной, средних размеров комнате с выложенным изразцами камином в углу, в котором приветливо потрескивали дрова. На стенах висели толстые ковры — синие,

зеленые и красные. Под ногами, которые еле держали девушку, также был ковер. Отполированные до блеска медные лампы давали мягкий свет.

Обстановка в комнате была скудная, тем не менее она выглядела роскошно. Слева располагалось мраморное возвышение, на котором была устроена широкая квадратная постель, задрапированная золотистым бархатом. У двери стоял большой деревянный сундук, обтянутый кожей и золотыми обручами. В дальнем углу — низенький круглый столик, а вокруг него были разбросаны разноцветные шелковые подушки. Высокая серебряная курильница наполняла комнату ароматом тлеющего сандала. Прямо напротив входной двери на противоположном стене имела арка, выходящая в личный сад принца, откуда открывался вид на море. Голос Селима донесся именно из сада:

— Иди сюда, Шамсия.

Приблизившись к принцу, девушка упала на колени, и голова ее коснулась земли. Селим быстро поднял ее за плечи и поцеловал в лоб:

— Никогда больше не становись передо мной на колени. Эта лакейская привычка умной женщине совсем не к лицу.

— Спасибо, мой господин.

Он отвел ее к балюстраде, выходящей на море.

— Луна на воде — это очень красиво. Но луне далеко до тебя, моя голубка. Ты похожа на солнечный луч в рассветный час.

— Спасибо, мой господин.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Так, так; Клянусь бородой Пророка, тебя заставили облачиться в традиционные одежды?

— Да, мой господин.

Улыбка тронула его губы, и он коснулся рукой ее вуалей. Шамсия поежилась.

— Тебе холодно?

— Да, мой господин.

— Неудивительно. Это одеяние предназначено для того, чтобы подчеркивать наготу, а не согревать. — Он негромко рассмеялся, — В ногах моей постели есть шерстяной халат. Надень его.

Шамсия вернулась в комнату, взяла и закуталась в мягкий и теплый шерстяной халат белого цвета с узором, вышитым золотой нитью. Он был ей велик, Шамсия утонула в этой уютной вещи. Приподнимая длинные полы халата, девушка повернулась, чтобы вернуться в сад, и увидела в проеме арки принца. Он молча смотрел на нее. На нем тоже был белый длинный халат.

— Сейчас теплее?

— Да, мой господин.

— За эти несколько минут ты три раза сказала: «Да, мой господин» и дважды: «Спасибо, мой господин». Раньше ты была не в пример красноречивее.

Робко взглянув на него, она дрожащим голосом произнесла:

— Простите, мой господин.

Он окинул ее внимательным, изучающим взглядом. В глазах его на мгновение вспыхнул дьявольский блеск, и он быстро подошел к ней. Всклипнув, девушка отпрянула от него, но остановилась, услышав смех.

— Так я и думал, — проговорил принц. — Ты все еще боишься меня. Успокойся, милая Шамсия. Мне еще ни разу не приходилось насилловать женщин, хотя, признаюсь, однажды я был на грани этого.

— О, мой господин, мне так стыдно! Прости, прошу тебя.

Подойдя к ней, он осторожно обнял ее.

— Давай присядем. — Селим легонько подтолкнул ее к горе подушек у стола, а когда она опустилась на них, продолжил:

— Теперь послушай. Знаешь, почему я уехал на охоту после встречи с тобой на лесном озере?

— Я думала, ты рассердился тогда на меня, господин.

— Нет, дело не в этом. Просто я испугался. Испугался того, что если останусь, то не сдержусь и нарушу обещание, взяв тебя силой. Чувствуешь аромат курений, птичка? А вон видишь, в окно заглядывает полная луна. Я тебе обещал все это, разве не так? Я похож на человека, который склонен к насилию?

— Я не подумала, мой господин

— Не подумала? Тебе это несвойственно, Шамсия. Скажи, могу ли я рассчитывать, что ты вернешь мне хоть в малой степени то чувство, которым я преисполнен к тебе?

Он развернул ее к себе лицом. Шамсия потупила глаза, но принц видел, как она покраснела.

— Посмотри на меня.

Она подняла голову, и он был ослеплен светом ее необыкновенных глаз. «О Аллах! — пронеслось у него в голове. — Дай мне силы сдержаться и не овладеть ею сию же минуту!»

Наклонившись, он нежно поцеловал ее в губы.

— Боже мой, ты не лишилась чувств! — воскликнул он в притворном удивлении. — Можно еще разок?

Она рассмеялась:

— Да, мой господин, прошу тебя. Когда ты делаешь это так нежно, мне не страшно.

На этот раз он обнял ее. Ее крепкое юное тело и нежная кожа сводили его с ума. Их губы встретились. Поначалу принц хотел лишь повторить первый легкий и короткий поцелуй, но у него не хватило сил оторваться от нее. Вот он почувствовал, как она ответно обняла руками его шею, а затем случилось и вовсе невероятное: его зубов коснулся кончик ее трепетного языка. Он задрожал и отшатнулся.

— О Аллах! — прошептал он потрясением. — Если ты будешь продолжать в том же духе, я могу пасть.

— Прости, мой господин, но я всего лишь женщина. Мне страшно.

— Гурия моя; — проговорил он. — Страсть затмила мне разум, и я совсем позабыл, как страшно всегда бывает в первый раз. К тому же тебе, конечно, вбили в голову, что ты должна угодить мне и если этого не сделаешь, то жизнь твоя кончится? Забудь обо всем, что тебе вбили в твою прелестную головку.

Он нежно притянул ее к себе, коснувшись губами ее роскошных волос, от которых исходил дурманящий аромат. Свежесть и близость ее тела будили в нем дикие желания, но он сдерживался.

«Я не должен с ней торопиться, не должен!»

Губы его скользнули по нежной коже ее щеки. Она вдруг сама повернулась к нему и нашла губами его губы. Дыхание их соединилось, она вновь обняла его за шею и прижалась к нему. Испустив приглушенный стон, он поднял ее на руки и отнес на постель.

Селим осторожно положил ее на подушки, и, когда хотел на мгновение оторваться от нее, чтобы лечь самому, она не дала ему этого сделать и вновь притянула к себе. Он лег рядом, опершись о локоть. У него то сжимались, то разжимались кулаки. Ему мучительно хотелось накрыть ее своим телом и быстро овладеть ею. Селим сдерживался из последних сил; Наклонившись, он вновь поцеловал ее, исследуя кончиком языка ее полусомкнутые губы. Затем, не в силах сдерживаться, он положил руку ей на грудь. Дрожь пробежала по всему телу девушки, когда принц нетерпеливо распахнул на ней халат, стянул легкие одежды и накрыл ладонью нежный холмик юной груди. Другая его рука опустилась вниз и коснулась бархатистой поверхности бедра. Шамсия охнула.

— Нет! Прошу вас, не надо, господин!

Остановленный ее возгласом, он убрал руки и только молча любовался ее полной юной грудью, плоским животом и длинными стройными ногами.

— О Шамсия! — проговорил он после долгой паузы. — Если бы звезды могли видеть тебя сейчас, они стыдились бы собственного уродства.

Она стыдливо попыталась закутаться в халат.

— Нет! — воскликнул он. — Мне нравится смотреть на тебя.

Она побледнела от резкости его голоса и тут же покраснела. Селим улыбнулся. Он отбросил халат и смело накрыл левую грудь. Он чувствовал под пальцами нежный, отвердевший от возбуждения сосок и слышал, как сильно колотится ее сердце.

— Произнеси мое имя, — приказал он. — Ты еще ни разу не называла меня по имени.

— Селим; — прошептала девушка.

— Еще. — Рука его отпустила ее грудь и быстро скользнула на бедро.

— Селим;

Он распустил ее волосы, и они роскошными волнами заструились по плечам. Он ласкал ее нежное тело, его руки изучали и гладили его. И тело девушки медленно просыпалось, отзывалось на его настойчивость.

— Ты прекрасна, — прошептал он, обращаясь не столько к ней, сколько к самому себе. — Я видел много красивых женщин, но такой утонченной, как ты, еще никогда. Я хочу тебя. Если ты прикажешь мне ждать, пока и в тебе зародится чувство, я буду ждать. Но, клянусь Аллахом, я взял бы тебя сейчас, если бы посмел!

Шамсия, преодолевая страх, притянула его за шею к себе.

— Да, мой господин, — еле слышно прошептала она. Он пораженно заглянул ей в глаза, а она в ответ робко улыбнулась.

«Только осторожно!» — приказал он сам себе, накрывая ее собой.

Войдя в нее, он почувствовал внутри нежную преграду. Шамсия напряглась, а Селим выждал паузу, дабы успокоить ее, осыпал поцелуями ее лицо, провел рукой по шелковистым волосам. Почувствовав, что девушка успокоилась, он решительно сломал преграду.

Она не вскрикнула и не закрыла своих удивительных зеленых глаз. Напротив, те раскрылись еще шире, и в них отразился немой восторг, ибо боль сменилась приятным ощущением, которое, усиливаясь, волнами прокатывалось по всему ее телу. Через минуту Шамсия услышала чей-то низкий, животный стон и вздрогнула, поняв, что он сорвался с ее собственных уст.

Боль ушла и окончательно уступила место наслаждению. Она искренне подавалась своим упругим телом навстречу ему, юные груди с отвердевшими сосками терлись о его плоскую

грудь. Она чувствовала, как ритмично он двигается внутри нее, и с каждым его толчком сладостные ощущения нарастали и наконец, образовали нечто вроде бурлящего водоворота, и она оказалась в самом центре его воронки, Вдруг с губ Шамсии сорвалось его имя и слезы хлынули из глаз. Селим же зарылся лицом в ее волосы и, будучи больше не в силах сдерживать себя, излился в ее трепетную глубину, сотрясаясь всем телом.

В это мгновение души их соединились, и он потонул в любви к ней. Он обожал ее, не мог ею насытиться. Она принадлежала ему и телом и душой, но именно принц в ту минуту ощутил себя ее рабом.

Луна закатилась. Принц молча разглядывал спящую девушку. Она лежала па боку, повернувшись к нему лицом и заложив руку за голову. В глазах его, устремленных на ее обнаженное тело, горел немой восторг. Нежная, сливочного оттенка кожа ее поблескивала, темнели соски юных грудей и черные ресницы на бледном лице, обрамленном разметавшимися белокуро — золотистыми волосами. Его вновь охватило желание, но он заставил себя вспомнить о том, как болит, должно быть, ее впервые раскрытый бутон.

Поднявшись с постели и подойдя к двери, он приказал рабу принести сосуд с теплой водой, полотенце, сок и сладости.

Когда тот явился с подносом, принц забрал его и поставил у кровати. Затем осторожно повернул девушку на спину, смочил мягкую ткань в теплой воде и аккуратно вытер засохшую кровь с ее ног. Вообще-то это полагалось делать рабыням, но принц не мог допустить, чтобы сейчас пришел кто-то чужой и прервал чудный миг, затянувшийся уже на несколько часов.

Покончив с этим, он убрал воду и полотенце, укрыл девушку легким покрывалом, а сам вышел на террасу. Принц глубоко вдохнул свежий воздух.

«Я полюбил!» — явилась в голову восторженная мысль. Ни разу до этого у него не было такой близости ни с одной женщиной. Он привык удовлетворять физиологическое желание, привык накрывать собой податливые нежные женские тела, но никогда еще никому не удавалось добиться от него приглашения больше чем на одну-две ночи.

Шамсия же буквально околдовала его. Охватившие его теперь чувства были незнакомы и поражали своей силой. Он был переполнен любовью и нежностью к ней, хотя и не мог понять, каким образом эта невинная девочка могла пробудить в нем, взрослом мужчине, такую страсть.

Встряхнув головой, словно избавляясь от наваждения, он вернулся в комнату. Ему хотелось, чтобы она поскорее проснулась. Хотелось поговорить с ней, услышать музыку ее голоса. Убедиться в том, что она чувствует к нему то же, что и он к ней.

Взяв в руки бокал с фруктовым соком, он опустился на постель и, не удержавшись, провел рукой по стройному изгибу ее тела от груди до бедра. Она что-то протестующе пробормотала в полусне, затем потянулась, словно невинный младенец, и открыла глаза. Селим протянул ей сок, она чуть смущенно улыбнулась и жадно его выпила.

— Я долго спала, мой господин? Господи, никогда еще не чувствовала себя такой отдохнувшей.

— Несколько часов, любовь моя.

Он не мог оторвать от нее глаз. Шамсия зарделась от его взгляда и, поставив пустой бокал на столик у постели, притянула его голову к своей груди.

— Если ты будешь и дальше так смотреть на меня, мой Селим, я сгорю, и от меня останется только кучка пепла. Я угодила тебе, мой господин? — спросила она, чувствуя силу своих

женских чар, покоривших мужчину, который сейчас лежал у нее на груди.

Он поднял голову и зачарованно взглянул на нее:

— Тебя ни с кем не сравнишь, любовь моя.

Осознав глупость своего вопроса, она отвернулась и тихонько засмеялась. Принц вскочил с постели, сжал ее руку и страстно поклялся, что еще ни одной женщине не удавалось столь сильно пленить его. Они звонко рассмеялись, а рабы, стоявшие за дверью, удивленно переглянулись между собой. Это как же надо угодить своему повелителю, чтобы вызвать у него такой счастливый смех?..

Шамсия вновь протянула его к себе, и он сверкнул на нее сверху вниз грозным взглядом.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, что я валялся у тебя в ногах, я придушу тебя! — сурово пообещал он, но и глазах его все еще играли смешинки.

— Не беспокойся, мой господин, я знаю свое место, — ответила Шамсия, и в это мгновение Селим понял, что сцена, только что разыгравшаяся между ними, — это что-то настолько личное, что она, конечно же, не будет никому рассказывать о ней, дабы не делить ни с кем своего счастья.

Обнявшись, они еще долго разговаривали друг с другом, пока не заснули.

Она проснулась от того, что кто-то легонько теребил ее за плечо.

— Уже светает, моя госпожа, — проговорила рабыня. Кивнув, Шамсия медленно поднялась.

— Куда ты? — спросил проснувшийся принц.

— Уже рассвет, мой господин. В это время я должна быть в гареме, таковы правила.

— Но ты придешь еще? — любясь ею, спросил он.

— Тебе стоит только приказать.

— Сегодня!

Она очаровательно улыбнулась, давая тем самым свое согласие:

— Обычай требуют официального вызова в покои моего господина.

— Я вызову тебя. — Он поднялся, укутал ее в свой халат, подхватил на руки и лично отнес к носилкам. Пораженные рабы молча взяли носилки и умчались с ними по длинному холодному коридору.

На губах Шамсии играла задумчивая улыбка. Подумать только, ведь еще несколько часов назад она вся тряслась от страха, а теперь сердце поет от радости!

В гареме ее ожидала Мадина. Шамсия соскочила с носилок и бросилась к ней:

— О, госпожа Мадина, я так счастлива!

— Я знаю, — с улыбкой ответила добрая женщина. — А теперь тебя ждут массаж и ванна.

Потом спать.

Рабыня, вызванная для массажа, растерла ее натруженные после страстной ночи мышцы, а губка, смоченная в ароматизированной теплой воде, сняла ощущение усталости. Потом к ней вновь пришла госпожа Мадина:

— Пойдем, дитя мое. Я отведу тебя в твои новые покои.

— Но разве я не вернусь в гарем?

— Как можно, чтобы икбал нашего принца Селима жила вместе с обычными гедиклис? — ответила женщина. — Еще несколько недель назад наш господин тайно распорядился, чтобы рабы устроили для тебя новые покои. Тебе там должно понравиться.

— Но ведь принц был на охоте и только-только успел вернуться!

— Время от времени он присылал гонцов с приказами.

— Но откуда он мог заранее знать, что выберет именно меня?

— Он знал это с самого начала, Шамсия. Я понимаю, что тебе сложно поверить в то, что восточный принц, постоянно окруженный огромным количеством самых красивых женщин, способен на истинную любовь. Но скажи, разве эта ночь ознаменовалась для вас лишь одним телесным соединением?

— О нет! — зардевшись, воскликнула девушка. — Это было так красиво, так волшебно; — Она не договорила, так как не могла сразу подобрать всех нужных эпитетов.

Госпожа Мадина мягко улыбнулась.

— Не говори больше ничего, — произнесла она, легонько коснувшись руки девушки. — Однажды, давным-давно, я сама переживала подобное состояние.

С этими словами она распахнула двери в конце коридора, где размещались спальни девушек, и они оказались в новых покоях Шамсии.

Стены в приемной были из ярко-синей мозаики, украшенные желтым геометрическим узором. Напротив входа был устроен маленький декоративный фонтан из полированного красного камня. По обе стороны от него находились двери.

— Там будут жить твои евнухи-сторожа, — проговорила госпожа Рефет, кивнув на левую дверь. Затем она перевела взгляд на правую и добавила:

— А здесь устроилась твоя личная прислуга.

Пол был выложен плитами того же красного мрамора, что и фонтан. На дальней стене, позади него, также были двери. Одна маленькая, а другая высокая двустворчатая с резным позолоченным узором. Она вела в красивую гостиную.

Войдя туда Шамсия с восторгом осмотрелась по сторонам. Желтые стены поддерживались тяжелыми прямоугольными брусками, разукрашенными цветочными узорами, в которых преобладали красные, синие, зеленые и золотые оттенки. Подобные же узоры украшали и потолок. Пол был выложен плитами из кремового мрамора.

В центре комнаты располагался круглый очаг, облицованный красными и желтыми изразцами. Над ним висела начищенная до блеска медная вытяжка конической формы. Веселый и живой огонь согревал гостиную и отбрасывал на окно — от пола до потолка — на дальней стене пляшущие тени. В ней была устроена стеклянная дверь, выходившая на крыльцо с колоннадой. За крыльцом начинался обнесенный стеной личный сад Шамсии с видом на море.

Утро еще только начиналось, и в саду было свежо и прохладно. Шамсия вышла и огляделась по сторонам. Сад был разбит очень красиво и продуманно. Узкие тропинки бежали мимо ярких клумб. Многочисленные деревья и кустарники, сплошь покрытые тугими почками, дремали в ожидании весны. Росли здесь и пихты, напоминавшие Шамсие родные русские сосны. Дойдя до конца одной из тропинок, она увидела искусственный водоем с маленьким водопадом, лилиями и березками.

Жгучие немые слезы побежали было по щекам девушки, но она, взяв себя в руки, тут же утерла их.

— Мы хотели сделать тебе приятное, моя милая. Но если тебе не нравится, то тут все переделают. — Малина по-матерински обняла девушку за плечи.

— Нет, нет, госпожа. Ничего менять не нужно. Я плачу от счастья. Этот сад — доказательство того, что меня окружают любящие люди. Я ни о чем не сожалею. Здесь очень красиво.

— Прекрасно, тогда позволь я покажу тебе личный подарок принца, он посчитал нужным поместить крохотный кусочек Турции в твое царство. — Она увела девушку от бассейна и показала на изящную беседку из бледно-розового мрамора в дальнем конце сада. — Селим назвал ее «утренней беседкой», потому что рассвет заглядывает в нее раньше, чем куда бы то ни было, и раскрашивает купол всеми цветами радуги. Тебе нравится?

Шамсия могла только утвердительно кивнуть, ибо утратила от восторга дар речи.

Госпожа Мадина улыбнулась:

— Ну ладно, у тебя еще будет время, чтобы погулять по саду. А теперь нужно отдохнуть.

Они вернулись в гостиную, и Шамсия вновь поразились красоте помещения. Толстые красочные ковры на полу, блестящие медные лампы, полированное дерево мебели, разноцветный шелк и бархат подушек и портьер.

Госпожа Мадина подошла к стене:

— А здесь вход в твою спальню. — Она мягко толкнула незаметную дверцу и госпожа Мадина ступила в открывшуюся дверь и поманила за собой Шамсию.

Спальня уступала размерами гостиной, но оформление ее было очень схожим. У одной из стен на невысоком позолоченном возвышении помещалась большая кровать с шелковым синим балдахин, расшитым золотыми звездами. А в центре комнаты красовался выложенный плиткой очаг.

Госпожа Мадина хлопнула в ладоши, и в комнате появились две симпатичные девушки-рабыни.

— Это Алия и Наиля. Они твои, — сказала она. Девушки поклонились Шамсие и, не проронив ни слова, начали одевать ее. Когда Шамсия была одета и причесана, госпожа Мадина сказала:

— А теперь, моя милая, я оставляю тебя, отдыхай, ты заслужила отдых. — Поцеловав очаровательную икбал своего племянника в лоб, добрая женщина удалилась.

— Вам что — nibудь еще нужно, моя госпожа? — спросила Алия.

— Нет, можете идти, — ответила Шамсия, вдруг почувствовав, как на нее навалилась усталость.

Рабыни еще раз поклонились и вышли из комнаты.

Шамсия легла на кровать, но сон все никак не шел к ней. Тогда она поднялась, запахнулась халатом, взятым из шкафа, и вновь вышла в сад. Небо окрасилось багрянцем, начинался рассвет. Шамсия поспешила в беседку, желая насладиться уединением и разобраться в своих мыслях.

Принц Селим любит ее. В этом девушка была уверена, ибо чувствовала, что только влюбленный мужчина может быть столь нежным. Да, она сознавала свою юность и неопытность, но вместе тем и прекрасно запомнила голодный блеск в его глазах. Нет, тут никакой ошибки быть не могло. Да, он хозяин, а она его раба. И все же он сделал все, чтобы доставить ей приятные минуты. Будет ли он вести себя так же и с другими? «Нет, — решила она, подумав, — не будет. От них он будет требовать лишь того, чему их учили наставницы в гареме».

Только сейчас с внутренним трепетом она по-настоящему стала осознавать силу той власти, которой может добиться. Но Шамсия понимала, что должна соблюдать осторожность, ибо чувствовала: Селим никогда не допустит, чтобы кем управляла женщина. Как бы сильно ни любил. И если она не подарит ему сына раньше, чем это сделают другие

Другие! Шамсия испытала внезапный приступ ревности. Она знала, что он в любой момент

может послать за другой девушкой. И даже если он не сделает этого в ближайшее время, он не станет колебаться ни минуты, как только Шамсия забеременеет. Селим был здоровым и крепким молодым человеком, а Шамсия реально смотрела на вещи. Да и законы гарема были непреклонны.

— Нет, нет, нет! — истоиво зашептала она.

Тут она вспомнила сладость его поцелуев, его ласк, вспомнила, как нежно и медленно он исследовал самые потайные уголки ее тела. Шамсия невольно покраснела, и в ней вновь проснулось желание. Ей хотелось сейчас же вернуться к нему в покои, лечь с ним в постель и вновь вкусить его любви. А потом смотреть на него и говорить с ним.

«Кто я? Влюбленная женщина или бесстыдная распутница? — спросила она себя, но ответа не нашла. Шамсия медленно поднялась со своего места и вернулась в спальню. — Надо поспать, чтобы не выглядеть вечером старой каргой. О Аллах, сделай так, чтобы этот день поскорее миновал!»

В то время, как Шамсия переживала вновь и вновь прошедшую ночь, принц Селим вызвал к себе госпожу Мадину и старшего евнуха Карима.

— Я очень доволен Шамсией и велю, чтобы в эту ночь вы снова ее ко мне прислали.

— Но, мой принц, так нельзя, — возразила Мадина. — Шамсии нужно время, чтобы восстановиться после утраты девственности. Да и законы гарема!

— Я повторяю в последний раз, сегодня пришлите мне Шамсию. — в голосе принца появился металл, и ни Мадина, ни Карим не посмели возразить.

Селим прошел вглубь комнаты и взял небольшой ларец. Вернувшись отдал его Мадине, сказав:

— Это мой подарок Шамсие. Я хочу, чтобы сегодня она его одела. Все, можете идти.

С поклоном Мадина и Карим ушли. А на губах принца появилась предвкушающая улыбка:

— Птичка моя северная, сегодняшняя ночь будет еще лучше прошлой.

Официальное приглашение было передано Шамсие в полдень, а вместе с ним принц Селим прислал своей любимой дары в ознаменование их первой ночи и как знак того, что ей удалось угодить ему.

В новых покоях Шамсии собрался весь гарем. Поначалу ощущалась некоторая скованность, но вскоре девушки поняли, что новая фаворитка, хотя и сознает свое настоящее положение, все-таки остается прежней Шамсией, которую они любили. Комната наполнилась оживленными голосами, то и дело слышались взрывы веселого смеха. К столу были поданы шербет, свежие фрукты и кофе. Принесшая их рабыня, перед тем как уйти, шепнула что-то на ухо Шамсие.

— Пусть войдет, — ответила девушка и, повернувшись к подругам, сказала:

— Это гонец от принца.

Как только на пороге показался евнух, комната погрузилась в тишину. Положив перед Шамсией традиционный свернутый платок, он объявил:

— Высокая и благородная госпожа! Я принес тебе приветствие от нашего господина принца Селима, да продлятся его дни еще тысячу лет! Он прислал тебе эти дары в знак своих нежных чувств и просит, чтобы ты пришла к нему сегодня в десять часов вечера.

— Передай нашему милостивому господину, что его раба благодарит покорно своего принца Селима за подарки и во исполнение его воли придет сегодня к нему в десять часов вечера, — сказала Шамсия.

Евнух поклонился и ушел.

Девушка принялась рассматривать платок. Она уже познакомилась с турецкими традициями и была наслышана о подарках, которые делал в Эски-серале своим женщинам султан Сулейман. Считалось, что чем больше расшит подаренный платок, тем выше комплимент. Этот нежно-голубой платок был расшит со всех четырех сторон двойной золотой ниткой и украшен мелким жемчугом, кораллом и бирюзой. Шамсия благоговейно дотронулась до него. — Господи Боже, — воскликнула Сурайя, нарушив тишину, — да развяжешь ты его когда-нибудь или нет?! Мы сейчас умрем от любопытства.

Впервые все без исключения девушки были согласны с острой на язык молодой испанкой. Шамсия распустила изящный узел, шелковый платок раскрылся, и девушки увидели тонкую кашемировую шаль нежно-салатового оттенка, ожерелье и сережки из бирюзы в золотой оправе, кольцо с рубином в виде сердечка, а также несколько очаровательных, украшенных цветами золотых браслетов.

При виде щедрых подарков Шамсия на какое-то время лишилась дара речи. Однако остальные девушки отмалчиваться не стали и принялись наперебой выражать шумный восторг. Потом Рания вдруг спросила:

— А остальное?

— Остальное? — не поняла Шамсия.

— Ну да, рабыня, которая пришла вместе с евнухом, оставила еще вот это. — И она указала Шамсие на ларец из слоновой кости, стоявший у нее в ногах.

Из открытого ларца на свет появились: традиционный кошель с золотом, два отреза ткани — переливчато-синий шелк и прозрачно-золотистый газ — и темно-зеленый кожаный мешочек, в котором оказались две золотые расчески, с полдюжины позолоченных гребней из черепахового панциря, также хрустальный пенальчик с заколками для волос, украшенными жемчугом, четыре хрустальных флакона с духами и резное золоченое венецианское зеркальце.

— Да уж! Тебе удалось расположить к себе принца, — глухо пробормотала Сурайя, трогая шелк.

Госпожа Мадина подняла глаза от вышивки.

— Даже не знаю, почему он выбрал первой именно меня, — сказала Шамсия. — Между прочим, я была уверена, что это будешь ты. Ты так красиво танцевала. Или Айгуль, которая пела удивительные песни. Я!

— Боже мой! — резко перебила Сурайя. — Хватит дипломатии, Шамсия! Ну разумеется, я тебе завидую. Мы все завидуем, но что поделать, если он выбрал тебя? Я могла стереть себе в танце ноги, а Айгуль — петь до хрипоты, но наш господин все равно остановил бы свой выбор на тебе, ибо никого, кроме тебя, он вчера и не замечал. Что ж, я ничего не имею против. — Она рассмеялась. — Но уж зато, когда ты забеременеешь, он обратит внимание и на нас. Тогда завидовать будешь ты!

— Какая ты гадкая, Сурайя! — воскликнула Ирис. — Ты нарочно это говоришь, чтобы отравить Шамсие ее счастье!

— Нет, — ответила Шамсия. — Просто она спустила меня на землю. Со временем все вы побываете у нашего господина ночью и узнаете то счастье, что я испытываю сейчас. Это наша судьба, и мы не имеем права давать волю мелкой ревности, ибо тогда наш гарем превратится в змеиное гнездо, наподобие гарема султана Сулеймана. Нам с вами здесь жить, и давайте не

будем отравлять жизнь ни себе, ни нашему господину.

Госпожа Мадина вновь вернулась к вышивке. «Поразительно! Такая мудрость в столь юные годы! Воистину Наджи-бей не ошибся в своем выборе».

— Надеюсь, у Шамсии скоро родится ребенок, и она станет бас-кадиной, — подала голос Сафия.

— Так и будет, — вдруг неожиданно для всех проронила Айгуль, смотря прямо в глаза Сурайе.

— И у Шамсии родится мальчик.

Испанка бросила на красивую китаянку сердитый взгляд:

— Кто родится у Шамсии, не тебе решать. На все воля Аллаха.

— И тем не менее, — возразила Айгуль, — я могу с уверенностью сказать, что уже в этом году у Шамсии будет мальчик. Он родится под знаком Льва и станет воином. Европа и Азия будут дрожать при одном упоминании его имени. Вместе с тем он станет очень мудрым правителем и завоюет любовь своих подданных.

— Айгуль, — с укором в голосе произнесла госпожа Мадина, вновь отвлекаясь от своего занятия, — зачем ты дразнишь Шамсию?

— Я не дразню, госпожа, а говорю то, что знаю. Я видела.

— Где ты могла это видеть, дитя мое?

Айгуль сняла с шеи тонкую золотую цепочку, на которой висел крупный опал в форме слезы.

— Мать дала мне его перед тем, как я покинула родину. Она сказала, что этот камень позволяет заглянуть в будущее. Необходимо освободить голову от всех посторонних мыслей и сосредоточиться только на нем.

— В таком случае, — решительно проговорила Сурайя, — почему же ты не заглянула в свое будущее на пути в Персию и не предотвратила своего похищения?

— Ты ошибаешься. Я смотрела в камень и увидела себя окруженной невиданной роскошью. А рядом был любящий меня мужчина. Я ни разу не видела персидского шаха и потому подумала, что это он. На самом деле это был принц Селим. А вчера вечером, когда он позвал к себе Шамсию, я снова сверилась со своим камнем и увидела, что Шамсию ждет впереди большое счастье и что ее сын станет великим султаном.

— А в нашу судьбу ты заглядывала?

— Нет, Сурайя. Магический камень не детская игрушка.

Сурайя фыркнула. Она все еще не верила.

— Золотые слова, дитя мое, — похвалила Айгуль госпожа Мадина. — День в самом разгаре, и пришла пора приниматься за работу. У каждой из вас есть обязанности, которых никто не отменял. Шамсия освобождается сегодня от работы, так как ей требуется отдых.

Девушки неохотно, но покорно поднялись со своих мест и вышли из комнаты. Шамсия и Мадина остались одни.

— Мне не хочется отдыхать.

— Ты должна научиться самодисциплине, Шамсия. Когда станешь бас-кадиной моего племянника, это звание тебя ко многому обяжет. А став матерью султана, ты, как первая женщина в империи, будешь управлять всеми нами. Тебе придется часто поступать против своих желаний и делать вещи, которые, возможно, будут неприятны и будут казаться напрасной тратой времени. Но ты будешь их делать, потому что так надо. Это и есть самодисциплина, которой ты должна овладеть.

— Ты веришь Айгуль? Я имею в виду то, что она говорила сейчас Сурайе?

— Да, верю. В нашем мире действует великое множество непознанных тайных сил, влияние которых не соотнобразуется с логикой. В частности, ясновидение.

— Но это же богопротивное колдовство и чародейство!

— Напротив, это дар от Бога. Ты говоришь как невежда, Шамсия! Разве твои соотечественники не обладают схожими способностями? Больше того, я уверена, и в тебе есть задатки этого дара. Иначе чем еще объяснить, что ты довольно быстро смирилась со своим похищением? Просто некий внутренний голос подсказал тебе, что это твоя судьба и что все будет хорошо. Айгуль развила в себе эту способность, а ты нет, вот и вся разница между вами. Китайцы ценят магические знания и разбираются в них. В том же мире, откуда явилась ты, отношение к этому иное. Почему? Потому что вы христиане, а христианская религия учит вас бояться всего, что не является составной частью веры или что не одобрено ею. На мой взгляд, это невежество самого худшего толка. Но не беспокойся, дитя мое, ты с каждым днем все больше и больше становишься турчанкой, и эти детские предрассудки скоро исчезнут в тебе. А теперь я хочу передать тебе еще один подарок Селима. Его ты наденешь сегодня вечером. Мадина протянула Шамсие резной ларец. Открыв его, Шамсия воскликнула в восторге:

— Какая красота! Посмотрите, госпожа Мадина!

Изумруды и голубые топазы в виде капель и маленьких цветочков в золотой оправе были и вправду великолепны.

— Да, Шамсия, они прекрасны, но ты еще прекраснее. Эти драгоценности сделают твой взгляд еще ярче и глубже. Я очень рада за тебя, девочка. А теперь отдыхай. Я еще загляну к тебе сегодня.

Шамсия ушла в спальню. Слова госпожи Мадины смутили ее, и она долго думала над ними. Девушка настолько погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как рабыни раздели ее, обтерли тело губкой, пропитанной теплой ароматизированной водой, и накинули на плечи легкий халат. Отпустив их, Шамсия легла на постель, продолжая думать о том, что сказала тетюшка принца Селима.

Когда спустя пару часов Мадина заглянула в спальню девушки, Шамсия спала, и на лице ее светились мир и покой.

Через несколько часов Шамсию разбудили, чтобы начать подготовку для ночи с принцем. Хаммам, массаж, легкий обед, выбор наряда. И вот Шамсия, ослепительная красавица с сияющими глазами и бешено бьющимся сердцем, стоит перед дверью в покои принца.

Шагнув в раскрытую рабами дверь, Шамсия склонилась в поклоне перед принцем. Но как только дверь закрылась, Селим стремительно приблизился к девушке и впился в ее нежные губы страстным поцелуем. Сначала несмело Шамсия ответила на поцелуй, ошарашенная напором принца. Бесконечно долгий обжигающий поцелуй. Наконец, принц оторвался от сладких губ и хрипло сказал:

— Ты сводишь меня с ума, моя зеленоглазая луна!

— Мой принц, я так счастлива, что сегодня снова вижу вас!

Селим засмеялся и потянул девушку к столику с кушаньями.

— Давай уже ужинать, моя нежная птичка.

За ужином Шамсия себя чувствовала так комфортно и свободно, что почти забыла о том, что Селим — принц и ее господин. Они шутили, кормили друг друга самыми вкусными кусочками, целовались, как будто знакомы много лет. Когда ужин был завершен, Шамсия, опустив ресницы, попросила:

— Господин, могу я вас порадовать танцем?

— Конечно, моя гурия, но впредь, когда мы наедине, зови меня по имени.

Селим хлопнул в ладоши и приказал позвать музыкантов. Зазвучала музыка, и девушка начала плавно поводить плечами и бедрами в такт напевной мелодии. Глаза Шамсии были полужакрыты, лицо запрокинуто в сладостном томлении, подкрашенные губы слегка приоткрылись. Отрешившись от всего, она изгибалась своим стройным телом, целиком растворившись в музыке. Обнаженные руки плавно взлетали вверх, скользили по изгибам трепещущего стана, поглаживали бедра, возбуждающе ласкали вздрагивающие бутоны груди. Прозрачное покрывало трепетало за ее спиной в такт движениям тела, полупрозрачная юбка рассыпала по залу сверкающие блески. Казалось, тело девушки извивалось в мелодичном ритме само по себе, независимо от ее усилий. Движения были легкими, словно тело внезапно утратило вес. Гибкие руки то порхали над головой, словно крылья бабочки, то плавно скользили по бедрам и груди. Трепещущие пальцы дразнили темные соски, мимоходом касались интимного треугольника, заставляя единственного зрителя шумно вздыхать.

Вдруг музыканты звонко ударили по струнам, и музыка сменила ритм. Теперь она звучала с зажигательной быстротой, заставляя кровь сильнее бежать по жилам. Замерев на несколько секунд, Шамсия резко сдернула невесомое покрывало, и оно облаком взметнулось вверх. И вдруг девушка шире расставила ноги и стала быстро вращать бедрами. Ступни Шамсии словно приросли к ковру, в то время как все тело ходило ходуном, ни на мгновение не сбиваясь с буйного ритма. Жадные взгляды принца, трепет огоньков в лампах — все смешалось перед ее затуманенным взором, и даже когда музыка остановилась, она еще какое-то время продолжала свой зажигательный танец в полнейшей тишине.

Взмахом руки выпроводив музыкантов, принц стремительно подошел к девушке, которая закрыв глаза тяжело дышала. Ее покрасневшие щеки, полураскрытые губы, вздымающаяся грудь разбудили в нем хищника. Он поймал себя на мысли, что готов сорвать с нее эти откровенные лоскутки ткани, прикрывающие тело Шамсии, и взять ее прямо на полу. В последний миг он остановился вплотную к ней, дыша, словно загнанный зверь. Мужчина был так близко, что девушка чувствовала его присутствие каждой клеточкой своего напрягшегося тела. Она слышала его частое дыхание, ощущала на своем теле его обжигающий взгляд.

Глубоко вздохнув, Шамсия расслабилась, одновременно собираясь с мыслями. Она раскрыла свои удивительные зеленые глаза, и встретилась взглядом с принцем.

Он подхватил ее на руки и отнес на ложе. Пальцы мужчины нежно коснулись ее груди, и Шамсия не сдержала тихого стога. Она опасалась грубости и поспешности, но, по-видимому, Селим был настроен иначе. Его мягкие, холеные руки бережно скользили по ее телу, жаркое дыхание приятно щекотало кожу, когда он наклонялся над ней. Шамсия томно постанывала, пока Селим нежно ласкал чувствительные вершины ее грудей, гладил живот и поверхность округлых бедер. Однако лишь только он попытался развести ее чуть согнутые в коленях и плотно сжатые ноги, Шамсия невольно дернулась в сторону.

Селим рассмеялся приятным негромким смехом, продолжая легонько поглаживать живот девушки. Было очевидно, что ему пришлось по нраву ее поведение.

— О лунолика красавица! Позволь мне насладиться твоим роскошным телом — В этой шутливой просьбе Шамсия уловила желание принца поиграть с ней.

Решив, что следует поддержать эту игру, она продолжила:

— О мой прекрасный принц! Я буду счастлива одарить тебя своей милостью.

Селим накрыл губами розовый сосочек и стал нежно сосать, рукой лаская другую грудь. Шамсия застонала, давая понять мужчине, что просто не в силах противостоять его обольстительным ласкам. Дыхание Селима участилось и стало прерывистым. Он так восхитительно касался ее нежных округлостей, что Шамсия была близка к тому, чтобы потерять от возбуждения голову. Она извивалась и выгибалась от ласк, позабыв о стеснительности.

Селим издал страстное рычание, нехотя отрываясь от своего занятия. Стремительно снимая одежду, принц оказался перед Шамсией во всей красе с гордо вздыбленным членом, такой красивый и опасный в своей страсти.

Девушка смущенно ахнула, с притворной скромностью опутив трепещущие ресницы. Делая вид, что ей неловко смотреть ему в глаза, она сладострастно задвигалась на своем ложе, будто хотела вырваться и убежать. В ответ Селим обхватил ее талию и припал лицом к ее груди, пытаясь справиться с нетерпением, рожденным желанием плоти.

Селим поднял голову и посмотрел на нее. Он был действительно хорош собой, и девушке не приходилось кривить душой.

— Мой принц, Селим, возьмите мое тело и душу! Я ваша верная и покорная рабыня.

Принц глубоко вздохнул, прикрыв лучистые глаза. Шамсия понимала, что сейчас он искренне наслаждается своей победой. Она подчинилась его мужскому обаянию, а не силе приказа. И это делало его торжество вдвойне сладостным.

Поднявшись со сдержанным нетерпением, Селим ловко сел на ее бедра и его мощное орудие коснулось ее живота. Шамсия забыла обо всех своих озорных мыслях. Это было просто восхитительно — почувствовать рядом с собой красивого, гармонично сложенного мужчину, от которого исходил аромат свежести и дурманящих восточных благовоний.

Шамсия просто умирала от желания коснуться его широкой груди, покрытой темной растительностью. И она коснулась его тонкими нежными пальчиками, вызвав хриплый стон. Продолжая сидеть на бедрах наложницы, он начал нежно поглаживать ее живот и налитые холмики груди. Когда же ее розовые соски отвердели, Селим наклонился и принялся так восхитительно дразнить их языком, что Шамсия чуть не лишилась сознания от нестерпимого удовольствия. Ласки принца были столь искусными и возбуждающими, что девушка вспыхнула и загорелась, подобно сухой лучинке, к которой поднесли горящий фитиль. Решив не сдерживаться, она вся отдалась во власть нежных рук мужчины, стонала и извивалась в его объятиях. А когда он склонился к ее губам, потянулась ему навстречу и пылко ответила на поцелуй.

Легонько погладив пышные округлости, принц нежно коснулся интимного местечка девушки. Тело Шамсии мгновенно напряглось, ноги раздвинулись. С ее приоткрытых губ сорвался трепетный стон, когда Селим начал нежно поглаживать внутреннюю сторону бедер и влажные лепестки женской плоти. Еще более сильное чувство охватило ее, когда мужские пальцы мягко раздвинули лепестки и осторожно нащупали чувствительный бутон. Она сторала от смущения и в то же время готова была умолять принца, чтобы он не прекращал своих восхитительных действий. Это было так прекрасно, что хотелось кричать от восторга.

— Готова ли ты испытать неизведанные ощущения, о моя отзывчивая луна? — спросил Селим, заглядывая в затуманенные глаза наложницы.

— Я готова принять все, что предложит мне мой прекрасный повелитель, — хрипло

пробормотала Шамсия, делая новое соблазнительное движение ему навстречу.

В карих глазах принца блеснул хитрый огонек.

— Согни ноги в коленях и ничего не бойся, — с коротким смешком приказал Селим, заставив девушку затрепетать от внезапного испуга.

Дрожа, Шамсия выполнила его требование. Принц осторожно развел ее согнутые ноги и снова начал поглаживать нежные лепестки. Расслабившись, девушка томно застонала, прикрыв глаза. Пальцы Селима скользнули по узкой ложбинке, раздвинули влажные дольки женской плоти; И вдруг, к немалому смущению девушки, он мягко погрузил пальцы в ее тесную пещерку.

Невольно вскрикнув, девушка рванулась из рук мужчины. Но Селим, очевидно, предвидя такую реакцию, крепко держал ее бедра.

— Тихо! — повелительно сказал он. — Лежи спокойно, моя нежная луна, я не сделаю тебе ничего плохого.

Застонав, Шамсия крепко зажмурила глаза от желания и стыда. Успокаивающе погладив ее лицо, принц нащупал горячий бугорок в складках женской плоти. Нежно массируя его, он начал одновременно ласкать ее пещерку, вынимая пальцы и снова погружая их.

Смесь двойственных ощущений ошеломила Шамсию. Острое наслаждение пульсировало сразу в двух точках ее плоти, и она сама не знала, какое из них сильнее. Ее тело постепенно расслабилось и вновь наполнилось сладким томлением. То, что вытворял с ней Селим, было так чудесно, что с ее губ один за другим срывались страстные стоны. А когда принц ускорил свои движения, Шамсия и сама не заметила, как начала двигаться навстречу действиям мужских рук, тем самым поощряя его к продолжению подобных ласк. И вдруг ее тело сотрясли столь неистовые спазмы, что девушка громко закричала и с такой силой рванулась, что принц еле удержал ее. Руки девушки помимо ее воли взметнулись на плечи мужчине, и он тут же крепко прижал ее к своей груди. Довольно посмеиваясь, Селим ласково гладил спину наложницы, бормоча успокаивающие слова. Мягкий пушок приятно щекотал нежные округлости Элизабет, побуждая ее прижиматься лицом к мужской груди и с наслаждением вдыхать терпкий аромат его разогретой кожи. Полностью успокоившись, Шамсия робко взглянула на принца. И тут же снова, опустила глаза, встретившись с его насмешливым взглядом.

— Ну, моя застенчивая луна, довольна ли ты ласками своего господина? — спросил Селим, приподнимая ее подбородок.

— Да, мой господин, — чуть слышно пролепетала девушка. — Я; — от сильного волнения она не смогла больше вымолвить ни слова.

— Прекрасно, — заключил Селим. — Я рад, что ты осталась довольна. Теперь твоя очередь дарить мне пламенные ласки.

Он мягко опрокинул ее на спину и снова принялся неспешно поглаживать ее грудь и живот. В одну минуту Шамсию охватило желание, и она радостно рассмеялась, предчувствуя новые удивительные открытия.

Внезапно принц приподнялся и переместился так, что его мужская плоть оказалась на уровне ее груди. Он легонько сжал руками нежные округлости, и Шамсия ощутила восхитительную пульсацию между своих чувствительных холмиков.

— Как ты прекрасна, о моя сладкая Шамсия! — в порыве страсти пробормотал Селим. — Твои глаза похожи на два драгоценных изумруда, твоя нежная шея напоминает шею газели, а твои

груди подобны двум прекрасным хрустальным шарам.

— Твое тело своей стройностью напоминает прекрасный кипарис, о мой щедрый повелитель!
— в тон ему отвечала Шамсия. — А твой мужской орган подобен налитому плоду, из которого вот-вот брызнет сладкий нектар.

Чуть отстранившись, Селим убрал с лица девушки разметавшиеся пряди волос и с коварной улыбкой посмотрел ей в глаза.

— А не хочешь ли ты попробовать моего сладкого нектара, о восхитительная пчелка? — вдруг спросил он, перемещая свои бедра к самому ее лицу.

Шамсия испуганно ахнула, прикусив губу. Но Селим этого ожидал, его лучистые глаза, полные сладострастной неги, требовательно смотрели на нее.

— Да, мой прекрасный господин, — еле слышно прошептала она, так как другой ответ был просто невозможен.

Селим чувственно застонал, принимая удобное положение. Шамсия с ужасом ощутила жесткую растительность на своей нежной коже. Не отводя внимательного взгляда от лица наложницы, принц улыбнулся и осторожно коснулся своим орудием ее пересохших губ. Внутри у Шамсии все сжалось, ее охватила настоящая паника. Им на уроках чувственности показывали такие ласки, но самой делать это ей казалось стыдным. Но и отказать принцу она не могла, ей всем сердцем хотелось угодить ему, подарить удовольствие, стать единственной кадиной. Продолжая улыбаться, Селим бережно провел своим орудием по ее губам. Подавив стон, Шамсия приоткрыла рот и коснулась его плоти языком. Странный соленый привкус немного удивил ее, но в нем не было ничего неприятного. Девушка повторила свое действие, и тело принца задрожало от возбуждения.

— Смелее, моя нежная пчелка, не бойся!… Еще не весь нектар собран с моего цветка, — хрипло прошептал Селим. Одна его рука нежно массировала ее набухшую плоть, другой он, не переставая, ласкал пылающее от стыда лицо девушки.

Поддерживая руками бедра мужчины, чтобы он ненароком не придавил ее в страстном порыве, Шамсия начала осторожно ласкать губами и языком его мужское орудие. Оно было твердым, словно стальной жезл, и одновременно каким-то беззащитным. Увлечшись, девушка не заметила, как сильно сжала тубы и невольно причинила мужчине боль. Тихо ойкнув, Селим тут же подался назад. Девушка застыла от испуга, опасаясь, что он рассердится. Но принц только рассмеялся и шутливо погрозил ей пальцем.

— Будь осторожна, моя старательная пчелка, — сказал он, — мужчина сделан из плоти, а не из камня.

Пробормотав невнятные извинения, Шамсия принялась за прерванное занятие. Это казалось немислимым, но ей все больше нравилось то, что она делала. Когда Селим чуть заметно надавил на ее губы, она раскрыла рот. Ее губы плотно сжались вокруг его ствола, и Селим так страстно застонал, что Шамсия ощутила новую вспышку безумного желания. Словно почувствовав это, принц осторожно выскользнул и быстро сместился вниз. Его мощное орудие так сладостно вонзилось в ее плоть, что Шамсия вся задрожала от желания и тут же стала подстраиваться под его восхитительные удары. Они неслись к вершинам наслаждения в таком стремительном ритме, будто убегали от погони на быстрых скакунах. Наслаждение все нарастало и нарастало, пока не затопило ее всю, словно бушующий горный поток. И снова перед глазами девушки все померкло от ослепительной вспышки. А следом наступил приятный покой.

Прошло какое-то время, прежде чем Шамсия решилась взглянуть на Селима. Он расположился возле нее на мягких подушках. В руках он держал спелую гроздь винограда, взятую с большого серебряного блюда. Неспешно отрывая ягоды, Селим весело посматривал на проходящую в себя наложницу. Его лицо выражало полное удовлетворение. Он был доволен и женщиной, и самим собой. Яркие глаза победно сверкали из-под длинных густых ресниц.

— Понравился ли тебе твой господин, о луна моего наслаждения? — спросил он, хитровато подмигнув смущенной девушке.

— Я прогневала бы Аллаха, если бы сказала по-другому, — ответила Шамсия, почтительно склонив голову.

— Что ж, я вполне доволен тобой, моя ласковая птичка. Ужасно жаль, что приходится отпускать тебя сейчас, но ты должна вернуться в свои покои. Завтра с утра я должен ехать во дворец к отцу на большой совет. А сейчас возьми вот это.

И принц на раскрытой ладони протянул ей золотой цветок, украшенный всевозможными самоцветами.

Шамсия восхищенно ахнула:

— Благодарю тебя, мой принц, за такой щедрый подарок!

— Поверь, милая Шамсия, что ты в тысячу раз прекраснее этой драгоценности.

Он поцеловал ее и звонко хлопнул в ладоши, в комнату вошли чернокожие рабыни. Они обращались с Шамсией с большой почтительностью. Помогли ей одеться, причесав волосы, закрепили жемчужным обручем лазурное покрывало. Девушка тут же отметила, что сам Селим и не думает одеваться, но задавать вопросы было бы неосмотрительно. Одна из рабынь набросила на принца зеленый халат, и он лениво развалился на низком диванчике, продолжая поглощать фрукты.

Когда Шамсия была готова двинуться в путь, в комнату вошел тот самый евнух, который привел ее сюда.

— До скорой встречи, моя зеленоглазая луна, — ласково попрощался Селим.

На протяжении нескольких месяцев принц Селим продолжал вызывать к себе по вечерам одну лишь Шамсию. Любовь их становилась все сильнее, и разлука даже на несколько часов превращалась в тяжелое испытание. И хотя принц был мягок и учтив со всеми без исключения женщинами гарема, те чувствовали, что ими пренебрегают. И только их любовь к Шамсие — а также слух, переданный личной рабыней Шамсии своей подруге из числа рабынь, обслуживавших других девушек гарема, о том, что у ее госпожи вот уже больше месяца не было месячных, — удерживала обиженных от открытого выражения недовольства. Теперь они знали, что скоро Шамсия признается принцу в своей беременности, их встречи прекратятся, и тогда Селим наконец взглянет и на других своих женщин.

Дни их тянулись безмятежно и невероятно медленно, а ночи, напротив, вспыхивали яркими искрами и сгорали слишком скоро. Принц и его гарем жили одной семьей. Селим почти ежедневно обедал вместе со своими женщинами — вещь для Турции неслыханная. Но принцу доставляло удовольствие проводить время рядом со своей тетушкой и гедиклис. Он частенько устраивал вечером после

ужина разные представления. Однажды пригласил индийского факира, который подвесил в воздухе веревку, взобрался по ней под потолок и исчез на минуту, а вернулся с букетом цветов, который преподнес госпоже Мадине. В другой раз перед ними выступали

дрессированные животные, а в один из последних вечеров египтянин представил их вниманию своих прелестных танцовщиц. Принцу Селиму понравились девушки, чего, судя по хмурым лицам, нельзя было сказать о женщинах гарема.

За все это время Селим успел очень хорошо узнать своих женщин. Он быстро понял, что за внешней сдержанностью и холодностью Рании скрываются природная робость и застенчивость, а вечно веселая и беззаботная Сафия на самом деле весьма неглупа. Айгуль и Ирис оказались такими же тихими и безмятежными простушками, какими их увидел принц в первый день. А язвительная и вспыльчивая Сурайя, как выяснилось, на самом деле очень добрая девушка с открытым сердцем, которая заранее на все хмурит брови только потому, что боится быть отвергнутой. Они все ему нравились, и он чувствовал себя рядом с ними счастливым, но сердце его все же было отдано белокурой красавице Шамсие, и пока Селим даже не допускал мысли о том, что может пригласить разделить с ним ложе другую девушку.

Юная русская красавица также бросилась с головой в любовный омут, однако не хвасталась своим положением перед подругами, и поэтому в гареме царили мир и согласие.

Но в начале февраля она, наконец, вынуждена была признаться самой себе в том, что беременна. Поначалу ее сердце наполнилось радостью, но уже через минуту девушка устроила настоящую истерику. Госпожа Мадина, присутствовавшая при этом, мягко улыбнулась:

— Я повела себя точно так же, когда впервые узнала о том, что беременна.

— Но это же конец всему! — рыдала Шамсия. — Я больше не смогу видеться с ним, а он уже позвал меня на эту ночь!

— Сегодня еще сходи, но перед рассветом должна рассказать ему, Шамсия. Вот увидишь, как он обрадуется!

Девушка раздраженно топнула ножкой:

— Глупые, дикие предрассудки! Почему я теперь не могу встречаться с ним?

— Это не предрассудки, моя дорогая. Даже в Европе образованный человек не поддерживает интимных отношений со своей женой во время ее беременности. Это может привести к выкидышу. Разве ты хочешь потерять ребенка? Неужели собственное наслаждение для тебя важнее ребенка?

Беззвучные слезы потекли по щекам бедняжки.

— Нет, я не хочу терять ребенка, но также не хочу терять Селима! А ведь если я не смогу отныне ходить к нему, это будет делать другая! Он полюбит ее, а про меня забудет навсегда! За что мне такая мука?!

— Ты меня удивляешь, — с упреком проговорила добрая женщина. — Неужели ты так плохо думаешь о моем племяннике и веришь, что он забудет тебя? — Она обняла расстроенную девушку. — Ну успокойся, дитя мое. Поплачь. Это нормально в твоем состоянии. Через несколько недель все пройдет.

— Мне очень стыдно; — дрожащим голосом пролепетала Шамсия. — Вы правы. Не понимаю, зачем я устроила эту истерику. На самом деле я очень счастлива и горжусь тем, что рожу моему любимому господину сына.

Тетушка Селима удивленно повела бровью и улыбнулась:

— А ты уверена, что это будет сын?

— Айгуль так сказала, а я ей верю.

— Тогда утри свои глазки, а то они покраснеют и распухнут к вечеру.

В тот день Шамсия особенно тщательно подготовилась к свиданию с принцем. Из парчовой ткани цвета морской волны, подаренной Селимом, ей сшили красивое покрывало, которое она надела поверх шаровар и лифа из золотистого шелка, также преподнесенного ее господином в подарок. Она все еще не утратила своей стройности, живот пока еле угадывался. Шамсия надела ожерелье и сережки, а волосы уложила так, как Селим больше всего любил: разделила их на две части и каждую подвязала серебряной ленточкой. Одна часть спадала по спине, а другая легла на правую грудь.

Когда наступил назначенный час, она села в носилки, и рабы понесли ее в покои принца. Она подгоняла их, а те только улыбались в ответ. Надо же, как торопится очаровательная икбал на свидание со своим повелителем!

Селим вышел встречать ее:

— Я так соскучился по тебе, свет моих очей!

— И я, мой господин. Где ты был сегодня? Охотился или в очередной раз побывал в Константинополе?

— Шамсия! Давай не будем говорить о делах. Я соскучился. — игриво сказал он, стискивая ее в объятиях.

Принц просунул руку под ее отороченную мехом накидку и принялся ласкать уже хорошо знакомое ему юное тело. Шамсия придвинулась к нему так, чтобы его рука накрыла одну ее грудь и дразняще потерлась ею о его ладонь.

Его губы нашли маленькую ложбинку между ее шеей и плечом. Он шепотом несколько раз страстно повторил ее имя. Вновь подняв голову, принц натолкнулся на ее ищущие влажные губы. Приникнув к ним нежным поцелуем, он поднял ее на руки и отнес на кровать.

Той ночью они получили от любви наибольшее наслаждение, на глазах Шамсии от счастья даже выступили слезы.

Она лежала без сна и при тусклом свете внимательно рассматривала мужчину, лежавшего рядом. Во сне Селим утратил свою властность, царственную осанку и, несмотря на то что был старше на одиннадцать лет, напоминал ей сейчас беззащитного мальчика. Светлая кожа его была чуть обветрена и опалена зимним солнцем, карие глаза закрыты, а густые черные ресницы казались в полумраке пятном сажи на бледном лице. У него был прямой гордый нос, чувственные, хотя и тонкие губы, сейчас чуть разомкнутые, так что между ними угадывались два ряда ровных белоснежных зубов. В отличие от своих старших братьев Селим не носил бороды. Однажды, несколько лет назад, он попробовал было отрастить ее, но при этом приобрел настолько царственный вид, что стал привлекать к себе лишнее внимание. Селим сбрил бороду и поклялся отрастить ее снова, лишь когда станет султаном; Он шевельнулся во сне и вытянулся во всю длину своего стройного тела. «Он почти так же высок, как мой отец;» — вдруг подумала Шамсия.

Его голос вывел ее из состояния задумчивости:

— Почему ты не спишь, моя маленькая гурия?

— Я слишком счастлива. И в то же время мне очень грустно.

Он зарылся лицом в ее роскошные волосы, прижимая ее сильнее к себе.

— Я больше не смогу прийти к тебе, мой Селим.

Он резко поднял голову и впился в нее пристальным взглядом. В уголках ее губ заиграла легкая улыбка.

— Я беременна, мой любимый господин.

Глядя на нее широко раскрытыми глазами, он прошептал:

— Ты уверена?

Она утвердительно кивнула.

— Когда?

— В конце лета, когда на полях созреет пшеница. Айгуль говорит, что это будет мальчик и он родится под знаком Льва. А еще она сказала, что наш сын станет великим султаном.

— Сын! — пробормотал Селим. — Сын! — Он крепко прижал к себе Шамсию и спросил:

— Кто еще знает об этом?

— Только госпожа Мадина.

— Никому не говори, пока!

— Селим!

— Пока я не найду для тебя слугу-дегустатора и двух личных телохранителей. Как только станет известно о твоей беременности, Гюльфем тут же начнет действовать. Однажды она уже выступала в роли отравительницы.

Шамсия побледнела.

— Не пугайся, любимая. Она ничего не сделает ни тебе, ни ребенку. Я лично отправлюсь утром в Константинополь, чтобы купить рабов.

Он улыбнулся и притянул ее к себе.

— Значит, сегодня наша последняя ночь?

— До тех пор, пока я не рожу.

— Тогда возьмем от нее все, что она может нам дать. А по возвращении из столицы мне придется начинать сначала с новой пугливой девственницей.

Шамсия резко дернула его за волосы. Принц взревел якобы от сильной боли.

— Животное! — прошипела девушка. — Сын паршивого верблюда!

Селим поймал ее руки, со смехом заключил девушку в объятия и стал целовать в плотно сжатые губы. Пытаясь вырваться, Шамсия отвесила в его адрес еще несколько весьма выразительных эпитетов. Он удивленно повел бровью:

— Воистину твое знание турецкого языка во всех его формах меня изумляет, дорогая. Но не будем понапрасну терять драгоценного времени, которого у нас мало осталось.

Размякнув в его объятиях, Шамсия прошептала:

— Люби меня, люби, мой Селим!

P. S. Не смотря на то, что в постели принца за время беременности Шамсии побывали все девушки гарема, он не забывал ее, каждый день осыпая подарками и нанося ей визиты. В положенный срок Шамсия родила сына, которого нарекли Камиль — совершенный. Вскоре скончался султан Сулейман, и Селим с помощью верных соратников избавился от Гюльфем и ее сыновей, став султаном. А Шамсия его верной и любимой бас — кадиной, подарившей ему еще не одного сына. В гареме Селима всегда царили мир, покой и справедливость. А взаимная любовь Селима и Шамсии вошла в историю.

P. P. S. Прошу строго не судить за исторические неточности, старалась написать красивую сказку с элементами эротики и со счастливым концом. Надеюсь, мне это удалось.